

Андрей Кривошапкин

Оленные люди

Андрей Васильевич Кривошапкин

Оленные люди

АО НИК «Бичик» и.м. С.А. Новгорода

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35745369

Оленные люди: ГУП НКИ «Бичик» и.м. С.А. Новгорода; Якутск; 2013

ISBN ISBN 978-5-7696-4199-2

Аннотация

Народный писатель Якутии Андрей Кривошапкин в своем новом романе «Оленные люди» с болью в сердце рассказывает о жизни и нелегком труде оленеводов. В нем достоверно показаны социальные проблемы, характерные сегодня для жителей Крайнего Севера: это опасность исчезновения родного языка и родовых корней, безработица, пьянство, нищета, трудности с жильем, бездорожье, браконьерство...

Но, несмотря ни на что, оленные люди, честные, стойкие, мужественные, живущие в гармонии с природой, сохраняют национальное самосознание и достоинство, с надеждой смотрят на будущее.

Содержание

1	8
2	40
3	83
4	111
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Кривошапкин Андрей Васильевич Оленные люди

*...Не знал забот оленный человек,
когда с ним рядом был его олень.
...Мужал с оленем сам эвен,
хозяином простора становясь.
Наверно, и не вымер потому,
что жизненной силою олень
питал – делился с человеком всем.
Не потому ли человек
сумел тысячелетний путь свой кочевой
в упряжке и верхом преодолеть?¹*

Оленные люди жили во все времена. Никто точно не скажет, когда они появились на Севере. Известно, что оленные люди первыми ступили на студеные берега и вечно продуваемые жгучими ветрами льдины арктических широт и приарктических земель. Туда оленные люди проникли не сразу. Сначала в погоне за дикими копытными и пушными зверьками бесконечно кочевали по тайге и по извилистым труднопроходимым горным тропам. Искали охотничью удачу. Суровая жизнь не баловала их. Жили обособленно. С внешним миром не имели никакой связи. Такого понятия, как снабже-

---

¹ А. Кривошапкин. Священный олень. – Якутск, 2008. – С. 5.

ние продуктами и товарами повседневного обихода и в помине не было. Это был жуткий период белого безмолвия. Питались тем, что добывали. Рацион питания составляли мясо диких копытных и рыба. Они рассчитывали только на свои силы. Природа наделила их беспримерной живучестью и умением выживать при любых экстремальных ситуациях. Оленные люди смекалисты, потому их ничто враспloch не заставляло. Находили путь к спасению из, казалось бы, безвыходных положений. Они удачливые охотники. Вместе с тем весьма расчетливы и экономны. Трудная жизнь научила их добывать столько, сколько нужно им для пропитания. К окружающей среде относились и относятся с трогательной бережностью. Никто их не учил этому. Оленные люди нутром понимают, что природа для них вечная кладовая, потому ее надлежит строжайшим образом беречь. Они смелы и храбры при схватках с хищными зверями. Мужественны при защите своих родовых гнезд. По характеру бесхитростны и открыты. Благородны и надежны. Среди них во все времена было мало завистников и бесчестных, хитроватых людей. Они высоко ценят дружбу между людьми. Их приверженность к такой великой силе, как братство народов, сохранилась до сих пор, более того, приумножается. Это, на мой взгляд, жизненная философия народов Севера.

Оленные люди обладают удивительной сноровкой, невероятно сообразительны и находчивы. О поразительном умении жить этих детей Арктики и Севера можно рассказы-

вать до бесконечности долго. Вечная кочевая жизнь каждодневно требует крепости духа и силы воли. Между тем оленеводы в случае необходимости легко, незаметно примут городской образ жизни. В этом у них неоспоримый талант. Оленный человек легко приспосабливается ко всему, потому выживает при любых условиях. Это надежный и стойкий человек, верный друг Арктики и Севера, выходящий из любой трудной ситуации невредимым и полным сил. Это о нем умные люди говорят как о кудеснике кочевой жизни.

Кто такие оленные люди? Это люди, судьба которых навечно связана с оленем. Прежде всего это оленеводы и члены их семей. Но по большому счету к оленным людям относятся все аборигены Крайнего Севера независимо от того, кто где живет и чем занимается. Это эвены, эвенки, ненцы, долганы, чукчи и другие. Они представляют собой самобытные этносы. Малочисленны, зато у них древнейшая культура, отличная от цивилизаций других, более крупных народов. Их жизнь и развитие с давних времен, исчисляемых тысячелетиями, вращаются вокруг оленя. Отсюда возникла глубокая философская мысль: есть олень – есть жизнь; есть олень – есть эвен. Другие коренные народы Севера точно так же неразрывно связаны с оленем.

Олень для эвена и других северных этносов – это основа жизни. Без оленя они никто. Без оленя они исчезнут как этносы. Тысячу раз правы те, кто считал и считает, что олень – пища, одежда и жилище для северянина. Другого та-

кого животного, как олень, по степени жизненной необходимости и пользы не существует. От него все идет на пользу, ничто не выбрасывается просто так. Олени также представляют собой неповторимый и незаменимый вид транспортного средства. Удивительно надежный, олень не имеет альтернативы, он дает фору самым современным и совершенным видам транспортной техники, включая авиатранспорт и сверхсовременные внедорожники. Он абсолютно надежен и экономичен.

Мировая цивилизация, конечно, с одной стороны, хороша и необходима. Она – часть жизни оленных людей. С другой же стороны, эта цивилизация с самого начала внесла в размеренный ритм жизни северных этносов много вреда. Это родимые пятна цивилизации – пьянство, алкоголизм, социальные болезни, безработица, угроза полного исчезновения родного языка и самобытной традиционной культуры.

Свой роман я назвал «Оленные люди». Постарался дать обобщенное понятие. Через жизнь одного оленеводческого стада и национального наслег попытался обнажить некоторые проблемы, во многом характерные для многих северных народов. Вот перед вами мудрый дед Отакчан, бригадир Айчима, молодые Виктор, Байбал, Илани, неунывающий Бетаки, его сыновья и другие. Уделите им время, потому почитайте мое повествование о них... Получилось что-то путное или не получилось, судить вам.

1

*...Он каждого оленя знал в лицо,
и каждый шел к хозяину на зов.
А родословную оленей знал
мой предок, может, лучше, чем свою.
Со дня рожденья олененок был
под ревностным присмотром, как дитя,
до старости оленьей каждый зверь
на попечении человека был –
и не приплод, а весь олений род.
Любовью страстной, вдумчивой любил
священного оленя человек,
мой предок, гордый тундровик – эвен...[2]*

Отакчан, радуясь весеннему солнцу, поднялся на невысокую горку. Отсюда все видно как на ладони. Эту местность он облюбовал еще с молодых лет. Она во всех отношениях подходит для отела оленей. Здесь рано начинается таяние снега. Полукругом тянутся к высокому небу могучие горные кряжи. У их подножья отдельными островками кучкуются невысокие сопки, покрытые лиственничными лесами. Под лучами весеннего солнца на склонах сопок снег тает быстрее, чем в лесу или на открытой местности. Так появляются проталины. На таких склонах телятся важенки. Ничто не мешает и не пугает их в этом безмолвии. Пройдет отел без потерь, значит будет заложена основа для успешного завер-

шения года. Конечно, оленята рождаются в тайге, на лоне природы. Тайга – не роддом, но она по-своему таит в себе удивительную таинственную силу по-матерински тепло принимать зарождение новой жизни. В этом плане тайга за тысячелетия, незаметно пролетевшие над планетой, накопила огромный опыт по выхаживанию только-только родившихся живых существ. Это относится ко всему миру как диких, так и одомашненных животных. К последним относятся олени.

Природа сама по себе непредсказуема, как капризная женщина, потому часто меняет свой облик. То абсолютная тишина, когда ни дуновения ветерка, на небе бездонный купол голубого неба, то снег и ветер, то пурга... Капризы природы наносят ощутимый урон слабым еще оленятам. Многие гибнут от простуды. Остается просить Духа земли, чтобы он пожалел их.

Внизу широкая раздольная местность. С началом лета она, освободившись от снега, обильно расцветает разноцветьем трав. Посередине течет речка Умбэ. Ее прозрачная до зеркальности вода весело течет вниз. Жгуче-студеную воду, когда она, играясь, течет, не так-то просто бывает попить. Только глотнешь, как тут же леденящим холодом пронзает все тело. Отакчан знает это по себе. Будучи юношей, баловался и до стужи в зубах пил воду, припав губами к краешку речки с мелкими камушками. А пока до поры до времени речка еще дремлет. Самая малость осталась до того, как она проснется и беззаботно запоеет свою песню. Ветра досюда не

долетают, сшибаясь с тыльной стороны с каменистыми кручами горных кряжей. Встретив на своем пути такую преграду, волны ветра поворачивают в сторону.

Отакчан спешился и сел на рядом лежащую корягу. С любопытством молча окинул взглядом окрестность. Теплые солнечные лучи иной раз так греют, что клонят все живое к дремоте. Олени, видно, дремлют и жуют жвачку. Довольный тем, что вокруг так тихо, Отакчан вынимает трубку и закуривает. Некоторое время сидит, закрыв глаза. Но вот он открывает их, поднимается и медленно поворачивается к верховому оленю за рюкзачком, с которым обычно не расстается. Но на этот раз оказалось, не взял его. Немудрено, ведь он намеревался быстро вернуться. «Что теперь поделаешь? Есть курево и ладно», – подумал старик.

Отакчан приехал сюда без ружья. Утром, когда затягивал седло ремнем, думал над тем, брать или не брать его. Оглянувшись на небо, на котором не было ни облачка, тозовку положил около выючных сум. Пусть лежит. Его хозяин – Виктор.

Сегодня Отакчан вернется пораньше, поймает двух упряжных оленей и поедет вниз по речке к березовой роще. Там отыщет березы, годные для заготовки полозьев и санных ножек для упряжной гоночной нарты. Сейчас самое время для их заготовок. Мог бы прямо сейчас повернуть обратно и поехать, но ему хочется удостовериться в том, в порядке ли олени, не тревожатся ли. Опасность представляют горные

орлы. Да и волки могут ненароком нагрянуть. Поэтому решил проведать оленей. Отел пока идет спокойно, без видимых забот. Не тревожь только важенок в это время ничем. Так бывало всегда, как он себя помнит.

Со стороны противоположных сопок у подножья высокой горы между деревьями замелькали олени. Правда, они не подавали признаков беспокойства. Мало ли, некоторым важенкам, может быть, захотелось поменять место лежанки. Бывает и так. Не привязаны же они к деревьям. Важенки свободны. Их тут держат только оленьята. Пока те чуть-чуть не подрастут, олени останутся тут. Здесь им спокойно и вольготно. Но Отакчан вдруг поймал себя на мысли, что ему почему-то стало неуютно. Зов оленьят, такой знакомый и близкий ему с далеких детских лет, обычно всегда ласкал его слух. Но сейчас почему они разом загладели? Неужели важенки отошли от детенышей так далеко, что оленьята теперь криком плачут? Это встревожило старого Отакчана. Важенок много и на этой стороне, по его левую руку. Отсюда до них рукой подать. Но здесь тишина.

Отакчан вынул свой старенький бинокль. Его ему подарил русский геолог Володя Суслов. Каждый раз, вынимая бинокль, тепло вспоминает того добросердечного геолога. «Интересно, как он? Жив-здоров ли?.. Ну конечно, с ним все в порядке. Правда, отчаянный был. Не терпел несправедливости. А сейчас начальники не переносят, не любят таких. Но мой друг не такой, чтобы покориться и исчезнуть в ряду

серых, безликих людей».

Старик краем светлого платка, повязанного на шее, тщательно протер окуляры бинокля. После этого внимательно стал обозревать противоположную сопку. Важенки то сбиваются в кучу, то расходятся в разные стороны. Почему-то оглядываются на оленят. Некоторые возвращаются к ним. Остальные, гордо поднимая точеные головки, смотрят назад. Отакчан медленно, метр за метром, стал разглядывать правое крыло снежной поляны. Важенки, возможно, учуяли лисицу или росомаху. Эти хитрющие зверьки встречаются тут нередко. Орлы просто так не прилетят сюда. Отакчан каждое лето и осенью проверяет, появились ли орлиные гнезда в этих горах. Ему помогает в этом Виктор, молодой оленевод.

Вдруг в зарослях тальника старик отчетливо увидел нечто черное. Удивился тому, что раньше не заметил этого. Что это могло быть? Не сохатый ли сюда забрел? Все может быть. Лежит на боку. Бык, что ли? Сердце старика вдруг резко кольнуло. От нахлынувшего волнения в одно мгновение его всего обдало жаром. Лоб покрылся испариной. И тут прямо на его глазах то черное поднялось, словно человек. Оказалось, что это огромный бурый медведь. Стоя на задних лапах, он всматривался туда, где сейчас находились важеньки. На редколесье деревья голы. На фоне снега олени отчетливо видны хищнику. Старик сразу понял, что зверь подкрадывается к оленям. Наверное, он давно этим занят, а он, Отакчан ста-

рый, сразу не заметил зверя. Этот абага² теперь не оставит оленей в покое. Погибнут сонгачаны-оленьята. Это точно. Важенки убегут. Тогда слабые сонгачаны до единого станут лакомыми кусочками для голодного зверя. Тот, видать, только на днях выбрался из берлоги после долгой зимней спячки. И теперь голоден и зол на все на свете. Видно, ошалел, что такая удача улыбнулась ему. Вот и не торопится. Башка у зверя неплохо соображает. Хочет напасть наверняка. Перед Отакчаном тоже нелегкая задача. Как же быть теперь? Только тут он с сожалением подумал, что зря оставил тозовку. Хотя бы пальнул, чтоб напугать зверя, хотя тот, почуяв легкую добычу, просто так не уйдет. Но Отакчан тоже не уйдет. Не станет же он смотреть, как дикий зверь начнет поедать одного олененка за другим.

Старик поднялся, сорвал с шеи платок, привязал его к кончику тиюна-палки. Развязал оленя с дерева и, ведя его на поводу, начал спускаться вниз. То и дело стал восклицать: «Чо-чо!»³ Оленям знаком этот возглас. Они по нему узнают присутствие человека и слышат его успокаивающий голос. Внизу, у края открытой местности, старик взобрался в седло и стал понукать оленя ногами, чтобы тот пошел вперед. Поехал он напрямик в сторону важенок. Отакчан понимал, что должен опередить зверя и оказаться между ним и оленями. С другой стороны, старик четко отдавал себе отчет в

---

² **Абага** (здесь) – медведь.

³ **Чо-чо!** – характерный успокаивающий оленей возглас.

том, что голодному зверю все равно, кто перед ним. Он наверняка нападет на него. Силы неравны. Но другого выхода у старика нет. Он пожертвует собой и тем, быть может, спасет оленят. Выход и надежда только на это. На поляне снег достаточно глубокий, по брюхо верховому оленю, зато рыхлый, потому ехать все же гораздо легче, чем ехать по твердому насту. Отакчан между тем беспрестанно покрикивал: «Чо-чо! Би элэ эмэддэм!»⁴ Громко разговаривал с оленями, мол, он рядом с ними, пусть не пугаются.

Медведь издали заметил, как человек уверенно едет к тем оленям, к которым он так долго крался. До него еще далеко, потому Отакчан не видел, каким злым огоньком загорелись медвежьи глазки, и не слышал, как он зло заурчал. Зверь залег, поджидая человека. Олень под Отакчаном шел уверенным шагом. Это говорило о том, что он пока не учуял близость зверя. Ветерок дул с другой стороны. Да и не видел он еще своими глазами этого опаснейшего врага. Ведь олень особой зоркостью глаз не отличается. Зато нюх и слух у него отменные. Спокойствие оленя передалось его хозяину. Отакчан овладел собой настолько, что теперь медведь не представлял для него особой опасности. Перед ним находился обычный дикий зверь, на которого охотятся. Так думал он, цепкими глазами зорко следя за каждым движением зверя. Но вот тот тоже двинулся вперед. Отакчан стал сильнее понукать своего оленя. Скоро добрался до подножья сопки.

---

⁴ Би элэ эмэддэм! (по-эвенски) – Это я иду!

Это хорошо, что он первым добрался до поляны. Встреть он зверя на голом снежном поле, где ни травинки, ни деревца, у него шансов никаких бы не оставалось. А тут рядом его родной лес. Тут все под рукой: и деревца молодые, и тальники, и сухие хворосты. Теперь просто так оленят и себя не отдаст в пасть зверю. Отакчан спрыгнул на снег. Быстренько привязал оленя к тонкому деревцу и торопясь стал собирать хворост для разведения костра. Очень кстати под руку попался сухой тальник, из него быстро настрогал острым ножом стружки и подвел к ним горящую головешку спички. Алый язычок пламени радостно разгорелся. Над ним, играясь, стал подниматься сизый дымок.

Отакчан часто поглядывал на верхового оленя. Отсюда медведя ему не видно. Человек-то может и не увидеть зверя, а вот олень наверняка учует. На это и рассчитывал Отакчан. Не теряя ни минуты, он поднялся выше метров на тридцать – сорок и тут же принялся собирать сухой хворост. Развел такой же костер, как и первый. И в этот момент он увидел, как его верховой резко крутанулся на месте. «Абага!» – пронеслось в голове. Однако медведь уже рядом. Отакчан торопясь срезал ножом тоненькое деревце и, на ходу очищая редкие ветви, громко подал оленю голос: «Алатли!»⁵ Рассчитывал на то, что голос услышит и абага. Затем быстро спустился к первому костру. «Эхе, как хорошо разгорается костер», – довольный, подумал он, оглядываясь назад. Над вто-

---

⁵ Алатли! – Подожди!

рым костром тоже поднимался густой дым. В эту же секунду олень вновь вострепнулся, выкатил глаза, озираясь туда, откуда шел напролом, судя по треску, зверь. Отакчан подобрал в костер несколько длинных хворостин. «Абага-а! Мучули амаски!»⁶ – требовательным голосом крикнул он. В другое время старик, показывая свое уважение и почтение, говорил бы с медведем иным голосом. Мягко, просяще, даже заискивающе. Но тут они встретились лицом к лицу. Перед ним теперь не тот абага – дедушка медведь, которого он всю жизнь почитал, а зверь-разбойник, жаждущий оленьей крови. К такому отношению у него совершенно другое. Ни голосом, ни движением человек не должен проявить свою робость перед зверем. За его спиной беспомощные важенки и сонгачаны-оленьята. Они же, как детишки, маленькие, слабые.

Медведь из-за тальников вперемежку с кустами вынырнул все же неожиданно. Он был стар, долговяз и лохмат. Увидев человека на близком расстоянии, от неожиданности отпрянул всем телом назад. В это время верховой олень смиренно сник.

Отакчан уловил в поведении зверя некое смятение, потому длинной кроной срубленного деревца стал размахивать перед собой, шумно ударяя по кустам. Это отрезвляюще подействовало на зверя. Нехотя он сделал несколько шагов на-

---

⁶ Мучули амаски! – Вернись назад!

зад. «Хурри! Хурри, абага!»⁷ – кричал старик. В одно мгновение он резко выхватил горящий хворост и швырнул в зверя. Дымящий хворост не долетел до зверя, но запах дыма явно ударил по ноздрям и тот с громким ревом чихнул. Человек беспрестанно собирал хворост и бросал в костер. Второй костер тоже горел и чадил...

* * *

...Сила человека –
в доброте.
Добрый все преграды осилит,
добрый все пути одолеет.
А главное –
он сумеет
одарить, словно солнце, людей
и счастье найти в доброте.[9]

Айчима, Виктор и Байбал к вечеру вернулись к палаткам. Они на оленьих грузовых нартах возили дрова-сухостой в верховья горных рек. Разгружали их в местах летних кочевий. Там леса нет. Одни голые скалы и широкие горные долины. Только вдоль речек кучкуются тальники. В теплые летние дни для растопки сойдут высохшие тальники. А когда

---

⁷ Хурри! Хурри, абага! – Иди отсюда! Иди отсюда, дедушка!

нагрянут дожди, спасение в лиственничном сухостое. Айчима предусмотрителен. Все делает загодя. В этом первый ему советник – дед Отакчан. Вот и сегодня поработали на славу.

– Танмак, а где дед? – первым долгом спросил Айчима, войдя в палатку.

– Я видел, как дедушка сел на учага⁸ и уехал, – поднял голову Кирилка, сын Танмак от первого брака.

Мальчик смысленый, он по душе Айчиму. Сидит в углу палатки, играет в свою игру, бормочет что-то, барахтается. Забавный малый.

– Как уехал одновременно с вами, так и не вернулся, – добавила женщина, наливая чай в кружки.

В это время Виктор и Байбал один за другим зашли в палатку и сели за стол. Танмак, жена Айчима, – чумработница. У нее всегда под рукой горячий чай, вареное мясо. Байбал мог бы попить чаю и у себя в палатке. Но старик Гаврила отправляет сына в палатку Айчима. «Иди чаевничать к Айчиму. Его жена зарплату получает за то, что готовит еду», – говорит он сыну. Иногда и сам приходит к чаепитию, заодно услышать новости. У оленеводов беседа ладно протекает как раз за чаепитием. Байбал не привык что-либо рассказывать отцу. На его вопросы всегда отвечает односложно. Такая скупость сына на слова не нравится старику.

– Дед должен был просто проверить, как идет отел, как ведут себя важенки. Обычно он быстро возвращается. Я сей-

---

⁸ **Учаг** – верховой олень.

час же поеду и выясню, в чем дело, – вызвался Виктор.

– Пожалуй, ты прав. Съезди-ка в самом деле, коли не устал, – одобрительно кивнул головой Айчима. – Бери с собой мой карабин на всякий случай. Мало ли что...

– Целый день ничего не ел, выпей хотя бы кружку чая, – Танмак пододвинула к Виктору кружку, до краев наполненную чаем.

Виктор не заставил себя уговаривать, выпил чаю, отрезал кусок вареного мяса и, на ходу жуя, заторопился на выход.

– Я тоже с тобой поеду, – вымолвил Байбал, намереваясь встать.

– Ты, Байбал, лучше наруби дров на растопку и себе, и деду, – не оборачиваясь, бросил Виктор.

– Дельно распорядился Виктор. В самом деле, Байбал, займись-ка ты колкой дров. А я за оленями присмотрю. Оленей, на которых ездили, отпущу, – говорит Айчима.

Он имел в виду нартовых, выючных и верховых оленей, находящихся у них под рукой. Таких голов тридцать – сорок.

Другую часть стада – быков, молодняк – давно отделили от стельных важенок и теперь держат на соседней речке. Каждый день навешиваются и к ним. Сегодня попутно проверили, как они пасутся. Признаков беспокойства у оленей не было.

...Виктор торопил верхового оленя. Олень и без понукания уловил настроение хозяина, потому шел ходко. Парень внимательно присматривался к утренним следам учага деда

Отакчана.

«Откуда у него такая натура? Всегда первым идет на любое дело. При этом не думает, получится или не получится. Последствия могут быть разные, а это его не беспокоит. Однако все наши сородичи его поколения были такими же работающими. Удивительные по твердости духа были люди. Многих в детстве видел. Все они жили и трудились в советское время. Вот где секрет их стойкости, трудолюбия. Дед часто рассказывает о том времени. Он почему-то не воспринимает нынешнее время. Считает всех жуликами. Думаю, дед скорее прав. Мой друг Илани твердо поддерживает деда, – на ходу Виктор думал о дедке Отакчане. – Интересно, почему он задержался? Может, упал ненароком и получил увечье. И такое может случиться. Жизнь в тайге – бесконечная загадка... А вот от Илани, как уехал в дальнее стадо на помощь в период отела, тоже ни слуху ни духу. Как он привывает к жизни в стаде Митэкэна? Интересно, чем сейчас он занят? Кочевая жизнь для него не нова. Еще подростком его брал с собой в стадо Айчима. Илани – парень смекалистый, просто так не будет сидеть, найдет свою тропу где угодно», – постепенно мысли перекинулись на Илани. После того, как он уехал, застопорилась связь по радиостанции «Гроза». Теперь из Дөндэ редко выходят на связь. Часто нарушают установленный график... Скорее бы возвращался Илани и наладил связь...

Олень вдруг вздрогнул под седлом. Стал шевелить уша-

ми и оглядываться вокруг. Вдали показалась речка Умбэ, где телятся важенки. Виктор почувствовал, как в ноздри попал едковатый дух дыма. «Чую дым от костра. Стало быть, дед тут недалеко...» Только подумал было так, как у подножья правой сопки, где темнел лес, увидел сизый дымок. Ударил ногами по бокам оленя. Тот убыстрил ход. Пересек по следам деда снежную долину. Тут же увидел деда Отакчана, вышедшего из редкого леса навстречу. Радость охватила Виктора. «Дед живой. Вот он стоит и поджидает меня», – улыбаясь, подумал он.

– Почему задержался и не возвращаешься домой, дед? – спрыгнув с оленя, спросил Виктор.

Дед улыбнулся глазами.

– Как хорошо, что приехал. Спас, можно сказать, оленей, – молвил он, вытирая пот с лица.

– А что случилось? – коротко спросил Виктор, но, не дожидаясь ответа, снял с седла рюкзачок. Вытащил котелок и начал разгребать уже размокший снег до появления крупных ледяных кристаллов. Этими кристалликами доверху набил котелок.

Дед молча следил за Виктором. Ему понравилась предусмотрительность парня. В душе дед сильно обрадовался. Все утро у него иссохло от жажды. Весь день ни капли воды не глотнул. А тут настоящий котелок перед ним. Пока Виктор копошился с котелком, Отакчан умело соорудил очаг. И вот котелок уже висит над костром.

Виктор вытащил из рюкзака старую тару из-под муки, которую на всякий случай хранил, и аккуратно расстелил перед дедом. А из другого, уже самодельного, мешочка вынул лепешку, вареное мясо, соль. Дед молча улыбался, довольный всем увиденным. Котелок не заставил себя долго ждать. Вскоре вода в нем закипела. Виктор снял котелок с костра. Из кармашка рюкзака выволок старый мешочек с заварным чаем. Первым долгом угостил Духа Огня щепоткой чая. Затем заварил воду в котелке, немножко подержал котелок над костром, чтобы чай заварился как следует. Поставил перед дедом большую кружку, из которой тот обычно пьет чай, когда чаевничает в палатке Айчимы. И себя, разумеется, не забыл. Налил крепко заваренный чай. Свежий чайный аромат сильно ударил по ноздрям, отчего дед Отакчан аж крикнул от удовольствия. Он хотел было сразу взяться за кружку, но Виктор остановил его. «Подожди, дед. Тебе не кажется, что чай с молоком намного лучше, чем черный?» – «А где теперь возьмешь молоко?» – «А вот Танмак положила кусочек молока. Это она собирала рюкзак». «Вот молодец! Тот Айчима на нее глаз положил», – улыбнулся старик, благодарно думая о Танмак.

После того, как дед Отакчан опорожнил кружку, Виктор вновь спросил:

– А почему так долго не возвращался, дед? Что случилось?

– Да абага надумал было напасть на важенок и телят.

– А где он, абага-то?! – у Виктора в глазах загорелся огонек охотничьего азарта.

– Целый день стояли друг против друга. Я костром, дымком отпугиваю его, а он то уйдет назад и ложится, то поднимется и с ревом идет ко мне. Знает, что мешаю ему. За моей спиной оленята.

– А где он сейчас? – в руках у Виктора карабин. Парень внимательно осматривается вокруг.

– Ушел недавно. Однако учуял, как ты приближаешься.

– Может, пальнуть из карабина в воздух, дед?

– Зачем? Важенок вспугнешь. Может, в это самое время запоздавшие важенки телятся. Не надо стрелять.

– Тогда я поеду за медведем. По снегу догоню без труда.

– Давай вдвоем поедem. Но прежде костры обновим, чтоб больше дыма было, – предложил Отакчан.

Так и поступили. В трех местах развели костер. А сами, разговаривая, поехали по медвежьим следам. Было светло. Медведь, если даже проявит агрессивность, незамеченным не останется. Природная осторожность не позволит ему действовать безрассудно. Он хитер и умен, потому безропотно уходил от погони.

* * *

– Айчима, опасный сосед далеко не уйдет. Он теперь знает, где может найти себе трапезу. Вернется он, – после то-

го, как опорожнил пару кружек чаю, степенно заговорил дед Отакчан.

– Что будем делать? – Айчима пристально посмотрел на старика.

– Нужно организовать круглосуточное дежурство, – после некоторого раздумья проговорил дед Отакчан.

– А как долго ехали по следам медведя? – Айчима спросил у Виктора.

– Абага, как показывают его следы, сначала кружил, затем уходил, поворачивал то налево, то направо. Снова возвращался. В двух местах отлеживался, видно, прислушивался. Он же зверь предусмотрительный и осторожный.

– Стало быть, не хотел уходить, – добродушно заулыбался бригадир.

– Вот именно. Потом, видно, учуял, что мы едем по его следам. По подножью горы, по оврагам шастал. Потом резко ушел, не останавливаясь, – Виктор ловкими движениями пальцев рук подтверждал свои слова. У него это получается.

– Он хитрее нас. Без подготовки преследовать его – пустая трата времени и верховым оленям излишняя нагрузка, – Айчима взглянул на деда, будто спрашивая, верно ли говорит.

– Вернется он. Вот увидите, – откликнулся Отакчан на слова Айчимы.

– Тогда надо объявить ему войну. Организуем облаву, пока снег не растаял, – воодушевляясь, сказал Айчима, известный своей легкостью на дела, требующие быстрых действий.

– Ты хочешь его убить? – ни на кого не глядя, спросил дед.

– Мы должны обезопасить новорожденных оленят от хищника. Только так. Другого способа не вижу. К тому же зачем с ним церемониться, дед?

– Голодный по весне зверь примет твой вызов. Это однозначно, – вроде соглашаясь с аргументами Айчиму, ответил дед Отакчан.

– Нам этого и надо. Я согласен с тобой, дед.

– С одним карабином повоюем? – Виктор посмотрел на Айчиму, как бы сомневаясь.

– Все зависит от нашей сноровки и умения выследить зверя, – Айчима беззаботно хохотнул. – Один охотничий карабин тоже сила.

На некоторое время в палатке воцарилась тишина. Каждый, казалось, думал о своем.

– Абага, как почует, что за ним охотимся, начнет действовать назло нам, – первым нарушил тишину дед Отакчан.

– Каким образом? Устроит нам засаду? – быстро спросил Айчима. Судя по его быстрой реакции, он сидел и думал только о медведе.

– Говорят, когда надо, он стелется по земле. Не увидишь, проедешь мимо, а он сзади нападет, – заговорил Виктор. – Я много слышал таких баек.

– Не спорю. Он способен на это, – Айчима вроде согласился с Виктором, но смотрел он на деда, с невозмутимым видом сосущего трубку. Видно было, как он жаждет услы-

шать мнение деда Отакчана. Тот, будто нарочно, молча дымил трубкой, но спиной чувствовал, чего от него ждет Айчима.

Кирилка примостился рядом с Айчимой и весь превратился в слух. Ему интересно слушать разговор взрослых об абаге – самом страшном на Севере хищнике. Ему хочется его увидеть, с другой стороны, боязно.

– Абага больше опасен для отельного стада. Он начнет гоняться за важенками. А те, когда с испугу массой помчатся, могут затоптать слабеньких оленят. Стадо тогда понесет потери. По-моему, чем тратить время в погоне за абагой, лучше круглосуточно установить дежурство. Скоро важенки все отелятся, – дед Отакчан говорил медленно и рассудительно. При этом он, по своему обыкновению, ни на кого не глядел. Казалось, его не заботило, слушают ли то, что он говорит или не слушают.

– Тоже верно. А как ты думаешь, Виктор? – Айчима посмотрел на Виктора.

– Я согласен с тем, что сказал дед.

– Деду жалко убивать медведя, – тихо засмеялся Айчима.

Дед Отакчан пропустил мимо ушей слова Айчимы. Его глаза заметно потеплели. Понял, что Айчима пошел на попятную. После этого все притихли.

Наконец тишину нарушил тихий голос деда:

– Абага ведь тоже хочет жить. От нас сам уйдет, когда поймет, что мы пуще глаз стережем оленей...

– Надо же, дед, ты о медведе говоришь, как о человеке, – улыбаясь глазами, миролюбиво молвил Айчима.

– Он же умен и хитер, как человек, – добрая улыбка осветила смуглое лицо Отакчана.

Виктор и Байбал засмеялись.

– Выходит, мы отпускаем его на все стороны? – ни на кого не глядя, будто для себя, проговорил Айчима.

– Земля, по которой мы кочуем, его вотчина, – Отакчан, прикрыв глаза, сосал трубку.

Айчиму вдруг прорвал громкий смех.

– Вот как получается: медведь нам бэгэн⁹, а мы его кэлмэ¹⁰.

В палатке снова воцарилась тишина.

– Каждый волен принимать абагу, как хочет. А я вот с давних времен знаю, что абага в свою вотчину других зверей не пускает. Разве это плохо, что он защищает наши земли от других хищников? – Отакчан приоткрыл глаза, метнул на Айчиму быстрый взгляд, в котором были и досада, и сожаление, и раздражение.

– Ладно, с тобой, дед, спорить не стану. Пока абага пускай поживет по-соседству, – хохотнул бригадир. – Вот мы с Кирилкой завтра поедem его выслеживать. Ты поедешь со мной, Кирилка?

У Кирилки от неожиданности округлились глаза. Он по-

---

⁹ Бэгэн – хозяин.

¹⁰ Кэлмэ – работники.

тянулся к уху Айчимы и тихо-тихо шепнул: «Я боюсь...»
– Ладно. Тогда поедем потом. Подрасти малость, Кирил-
ка.

* * *

Весна
желанной девушкой
пришла
на Север.
И холодный, и суровый,
согревшись
ее огненной любовью,
оттаял он
и разом подобрел...[13]

Оленеводы теперь дежурят по очереди. Днем по одному, а ночью по двое. Важенок не тревожили. Без нужды в стадо не выезжали, издали, обычно с бугорка, в бинокль следили за оленями. Громко заговаривали в голос, обращаясь к стаду. Так они приучали новорожденных оленят к себе, чтобы те привыкали к голосу человека, рядом с которым отныне им предстоит подрастать и стать взрослыми оленями. Виктор, когда дежурил, больше пел. Пел сначала по-эвенски, затем переходил на якутские песни. Знал много русских песен. У него хороший голос. «Тебе бы петь в театре», – говорил по-

добревший Айчима. Виктор улыбался.

Теперь Айчима на ночное дежурство ездил на пару с Байбалом. А Виктор с дедом. Днем к оленям выезжал старик Гаврила. Виктору не сиделось на месте. Чуть прикорнув, просыпался и снова под разными предлогами уезжал к стаду. Объезжал и холостых. Так он называл быков, молодняк, пасущихся отдельно от важенок. Они тоже нуждаются в человеческом внимании. «Поеду к своякам», – говорил за чаем. Все понимали суть его слов. «Такой видный парень, обзавелся бы семьей», – подавала голос Танмак. «Никто за меня замуж не пойдет, – отвечал Виктор. – Ведь на оленевода женщины совсем не обращают внимания». «Конечно, не обратят внимания, если сами пассивны и прячетесь от них», – не унималась Танмак. Айчима многозначительно посматривал на жену. Виктор обычно не ввязывался в дискуссию с молодой женой бригадира. Мало ли что, еще заревнует Айчима.

...Весна между тем быстро набирала силу. Снег в основном растаял, только на крутых склонах лесистых гор он все еще белел. В марях на кочках обильно появился нергэт-пушица. Прорастала ранняя зелень. Олени, изголодавшиеся за долгую зиму по такому лакомству, охотно выщипывали их. Проснулись речки.

Вокруг тайга ожила веселым многоголосьем птиц. В унисон с птичьим пением отовсюду раздается зов оленят: «Ав-ав-ав!» Это своеобразная таежная мелодия, повествующая окружающему миру о том, что он пополнился новыми жиль-

цами.

Весеннее солнце светит ярче обычного. Оно щедро ласкает золотыми лучами всю умиротворенную землю, все живое на ней.

Дед Отакчан в душе радовался весеннему солнцу. Считал себя счастливым, что дожил до первых весенних солнечных лучей. «Теперь можно спокойно уходить в мир предков», – думал он, зная, что для старого человека в любое время настанет пора уйти навсегда из этого срединного мира. Ему не хотелось, чтобы это свершилось в зимнюю стужу. И душе неуютно от холода, и людям, провожающим в последний путь, тягостно от мороза. Думать-то думал, но еще не торопился уходить.

* * *

Не таи зла в себе –
душе легко тогда.[14]

Время быстротечно. Казалось, совсем недавно важенки начали телиться. То было в середине апреля. Оленные люди не заметили, как настал май, время быстрого таяния снега. Горные речки ожили, потекли небольшими ручейками. День за днем они станут набирать силу.

Оленеводы молча сидят полукругом и пьют чай.

– Надо кому-то съездить на лабаз за мукой, – ни к кому

конкретно не обращаясь, заговорил Айчима.

– Муки осталось всего на две-три выпечки, – добавила Танмак.

– Я поеду, – с готовностью отозвался Отакчан. – Ребятам олени покоя не дают.

– Ладно. Пусть будет по-твоему, дед, – широкоскулое лицо Айчимы озарилось улыбкой.

– Можно я поеду с дедом? – подал голос Кирилка.

– Вода большая. Тебе рано ездить в такую даль, – сказала мать.

– Ты поедешь со мной к оленям, – Айчима погладил мальчика по головке.

После чаепития Отакчан поймал около десятка крепких быков. Четверых запряг в нарты. Одного оседлал. На нем он сам поедет. Еще на троих навьючил пустые выючные сумы. Кроме муки надо привезти и масло, и сахар. На нартах много не привезешь. По черной земле, когда снег растаял, олени едва тянут пустые сани.

– Абага, без ружья, что ли, поедешь? – спросил Виктор после того, как помог старику собраться в дорогу.

– Спрашиваешь так, будто я когда-либо имел ружье, – живо отозвался Отакчан.

– Взял бы мою тозовку.

– Зачем? Тебе самому пригодится, мне-то на что она?

– Ну, как знаешь, абага. Мое дело предложить.

На всю бригаду имелось два ружья. Малокалиберную вин-

товку оленеводы брали по очереди на ночную пастьбу оленей. Айчима имел карабин. Но никому его не доверял. Хищного зверя мелкашкой не остановишь. Разве подразнишь только. Оленеводы предпочитали обходиться без тозовки. Все же верховому оленю лишний груз. Они давно просили, чтобы им каждому выдали охотничье нарезное ружье. А начальство одно твердит: нельзя, опасно. Некоторые покупали с рук старенькие ружья, но и те отбирали силой. Грозились в тюрьму посадить за незаконное хранение нарезного оружия.

– Бери хотя бы собаку, – не отставал Виктор.

– Да ты не беспокойся, сынок. Первый раз, что ли, еду? Слава богу, за свой век наездился по лабазам, – скупая улыбка на миг осветила темные скулы старика.

– Кэрэмэс не помешает, – не унимался парень.

Услышав свою кличку, отдохавшая возле абду¹¹ рослая собака серой масти наострила уши, огненными глазами посмотрела на людей и на всякий случай повиляла хвостом.

– Кэрэмэс сам решит, пойти со мной или не пойти. Зачем его неволишь, сынок? Он же для меня не раб, он мой друг.

Так оно и было. Дед сам вынянчил его. Еще незрячего кормил, лелеял. Общался с ним как с человеком. Кэрэмэс понимал его с полуслова.

– Эмэбли¹², – коротко бросил Отакчан, увидев, как пес встрепелся и побежал было вперед.

---

¹¹ Абду – общее название вьючных сум, седел, шкур, собранных в кучу.

¹² Эмэбли – оставайся.

Кэрэмэс недоуменно взглянул на деда и нехотя вернулся к своему лежищу. Он явно погрузнел.

– Сынок, привяжи его, так надежнее будет. Зачем ему силы тратить попусту? Пусть отдохнет, – оглянулся дед.

Виктор поймал собаку и привязал к кусту.

Отакчан долго шел пешком. Только когда разогрелись ноги, сел на учага. Ехал по речной гальке, старательно обходя каменистые места. Это не всегда удастся. Кругом одни камни. Правда, гладкие, словно полированные. В течение скольких веков вода течет по ним в половодье, этого никто не знает. Проехав с километр, повернул налево и переправился через речку, впереди которой замаячили кадары¹³. Дед знал, что там пороги. По едва уловимой тропинке поднялся на пологий косогор. Дальше дорога пойдет по мари. Местность болотистая, зато легче оленям. Болота им не помеха. По воде нарты легче тянуть и копытцам не больно.

Лабаз стоял за речкой в глубине леса. Полозья нарт глухо бились о камни. После первого дождя вода на речке немного поднялась.

«Муку придется навьючивать, иначе намокнет», – подумал Отакчан, оглядываясь назад и видя, как вода захлестывает нарты.

Выбравшись на другой берег, едва углубился в редкий лесок, как олени внезапно испуганно шарахнулись в сторону.

– Чо-чо! – осадил их Отакчан и тут вдруг увидел, как пря-

---

¹³ **Кадар** – голая скала.

мо на него с раскрытой пастью несется лохматый белый медведь.

«Абага! – Отакчан мгновенно понял, в чем дело: он всю муку на лабазе выпотрошил из мешков, оттого и белый. – Однако люди без муки остались... Что же теперь будет?!» – мелькнуло в голове.

Старик с ходу понял, что перед ним тот самый зверь, с которым он схватился на речке Умбэ, защищая оленят. Он соскочил с оленя и громко подал голос: «Он онди, абага?!»¹⁴ Но зверь не среагировал на человеческий голос и с ходу ударом лапы свалил одного из упряжных оленей, затем второго. Началась ужасная свалка. Олени заматались, как загнанные, глаза у них со страху выпучились, вот-вот вылезут из орбит.

Отакчан перекинул палку-тиюн в левую руку, а правой выхватил нож и коротким взмахом перерезал вожжи от мертвых оленей и выпустил с рук верхового оленя. Олень, почуяв свободу, панически рванулся в сторону и был таков. Старик машинально освободил еще двух-трех оленей. Те тут же помчались назад по тропинке, по которой только что ехали. Затем Отакчан, откуда только взялись силы и сноровка, скользя, рванулся к остальным оленям, намереваясь у всех успеть срезать вожжи и лямки, но вот беда – выронил нож. Затылком почувствовал дыхание зверя. Он резко повернулся и в отчаянии изо всех сил наотмашь ударил зверя тиюном по оскаленной морде. Тиюн переломился, но удар получил-

---

¹⁴ Он онди, абага?! – Что с тобой, дедушка?!

ся сильным и точным. Медведь ошалело рывкнул и, брызгая слюной, отпрянул. Отакчан прыгнул на другую сторону нарты. Зверь, оскалась желтоватыми клыками, заревел и с дикой злостью вновь бросился на старика и подмял его под себя. «Люди ждут... Без муки остались...» – пронеслось в затуманенной голове старика, и он, теряя сознание, почувствовал, как что-то липкое и теплое потекло по лицу. Перед глазами пошли круги, и тут же стало темно, будто упал в бездну... В это время, откуда ни возьмись, появился Кэрэмэс. Пес стремительно прыгнул на спину медведя и с громким рыком вцепился клыками в его загривок. Зверь, заревев, крутанулся на месте, пытаясь стряхнуть с себя собаку...

Очнувшись, Отакчан сразу услышал отдаленный яростный лай собаки и холодящий душу медвежий рев. «Костер надо! Дым!» – смахнув рукой кровь с лица, старик попытался было встать на ноги, но резкая боль сковала все тело. Голова закружилась, глаза обволокло туманом, и он, ничего не помня, мешком свалился на землю...

* * *

Оленеводы всполошились, увидев скачущего к палаткам верхового учага Отакчана. За ним следовали еще несколько оленей. Олени знают, где искать защиту в момент опасности. Они торопятся к палаткам. Так случилось и на этот раз.

– Айчима, с дедом однако случилась беда. Дай мне ка-

рабин, сейчас же пойду по следам деда, – быстро заговорил Виктор, изменившись в лице. Глаза гневно метались, движения резкие.

– Поезжай верхом на учаге, – распорядился бригадир.

– Да, ты прав. Я же чуть было не побежал пешком, – с такими словами Виктор побежал к оленям, пасущимся недалеко. Поймал верхового оленя. Быстро вернулся к палатке, оседлал его.

– Вот карабин с патронами, – Айчима протянул парню карабин и кожаную сумочку, в которой хранил патроны.

Виктор вскинул карабин за спину и тотчас уехал.

– Будь осторожен, Виктор! Судя по всему, абага напал на деда! – вслед крикнул Айчима.

– Виктор, я тоже поеду с тобой! – Байбал погнал учага за Виктором.

«Ты смотри, как повел себя Байбал. Я ему ничего не сказал, а он сам принял решение поехать с Виктором. Пожалуй, Байбал прав. Вдвоем надежнее... Молодец все же парень», – одобрительно думал Айчима, взглядом провожая Байбала.

Тот быстро настигал уехавшего вперед Виктора. Нынче на ночное дежурство должен был поехать Байбал. Виктор ночью свое отработал. Теперь неизвестно, когда еще они вернутся. Придется ему, Айчиму, заменить Байбала. Постепенно Айчиму охватили тревожные мысли. Он боялся теперь за жизнь деда Отакчана. Свирепому от голода медведю ничего не стоит одним ударом намертво свалить деда. Это точ-

но медведь напал. То-то некоторые олени прибежали к палаткам. А где остальные? Медведь их, запряженных в нарты, тоже мог запросто задрать. Ох беда!

...Медвежьи следы везде вокруг. Его самого не видно, а вот следы петляют за стадом. Какой-то непонятный зверь, ходит вокруг да около. На удивление не боится людей. Иные от простого человеческого духа уходят восвояси, а этот шагает рядом. Что ни говори, опасный сосед объявился. Карабин-то всего один. Виктор с Байбалом хотели бы купить охотничьи ружья, да не могут. Теперь карабины продаются за большую цену. У парней таких денег никогда не бывает. Хотя нужную сумму можно собрать, взяв займы у друзей. Но тут оленевода ждет другое препятствие, более сложное. Это получение разрешения на охотничье ружье – слишком много разных документов нужно собрать. На это уходит время. А у оленевода дел много: за оленями глаз да глаз нужен. В поселке же он, естественно, расслабляется... Хорошо хоть на все стадо дали под отчет Айчимы ведомственный карабин. Без карабина оленеводу неуютно, без него он как бы без рук в кочевом стаде. Это понятно каждому.

Айчима не знал, сколько времени прошло с тех пор, как Виктор с Байбалом уехали по следу деда Отакчана. Он не находил себе места. Чтобы хоть немного успокоиться, уехал в стадо, которое разбрелось по широкой долине. Ему нравилась эта весенняя пора. На глазах, обновляясь неузнаваемо, пробуждалась природа. Воздух мягкий, душистый. Разного-

лосое пение птичек поднимает настроение. Весна положительно действует и на оленей. Они кучкуются, лакомясь сочным разнотравьем. У них быстро растут новые рога с мягкой кожей. . .

Айчима издали заметил Виктора. Видно было, как он торопится скорее добраться до палаток. Айчима с Кирилкой тоже поспешили к жилью.

Виктор молча судорожно вытащил «Грозу» из палатки и стал ловить волну Дөндэ – села, где живут оседлые сородичи. Радиостанция шумно трещала, эфир был наполнен многоголосьем, кто-то кому-то что-то говорил, кто-то с кем-то ругался. Это не свои, а где-то там далеко, в недрах Верхоянских гор. Одна женщина ругалась с кем-то откровенным матом. Виктор нервничал из-за того, что из Дөндэ никто не выходит на связь.

– Что случилось, Виктор? – тихо спросил подъехавший Айчима.

– Медведь задавил нескольких оленей, заодно и нашего деда, – торопливо, пряча глаза, отвечает Виктор.

Кирилка побледнел, из глаз потекли слезы.

– А что, деда зверь задрал насмерть?! – тревожно вскричал Айчима, чувствуя, как у него подкашиваются ноги.

– Нашли полуживого. Рядом с ним находился Кэрэмэс. Однако Кэрэмэс вовремя подоспел на выручку и тем спас деда. А так медведь задрал бы насмерть. Байбал на нарте везет сюда деда. . .

В это время, о радость, на связь вышли из Дөндэ. Виктор кратко, в двух словах передал Илани информацию о трагическом случае в тайге: «На деда Отакчана напал медведь и задрал его. Еле живой. Срочно нужен санитарный вертолет». Илани заверил, что сейчас же доложит главе наслега Федотову о случившемся.

– Вертолет обязательно прилетит! Ждите! – сквозь треск и шум в эфире прорывался взволнованный голос Илани.

– Наконец-то! Какой молодец наш Илани! Он обязательно добьется прилета санитарного вертолета, – возбужденно говорит Виктор и тут же едет навстречу Байбалу. Надо же помочь доставить до палатки израненного Отакчана.

На Севере пора сказочных белых ночей. Благодаря такому природному чуду, ночью прилетел вертолет и увез деда Отакчана в районную больницу.

...Отакчана выписали из больницы. Он попутным вертолетом Ми-8 прилетел в Дөндэ.

– О, ака-а!¹⁵ Аике!¹⁶ – невысокого роста белолицая пожилая женщина всплеснула руками, заохала-заахала, увидев входящего в дом Отакчана.

Ее широкоскулое лицо осветилось неподдельной радостью. Живо шагнула к старику и приобняла. Отакчан робко улыбнулся и тихо проронил:

– Дорово, Мавра.

Это была его родная сестра. Мавра моложе брата лет на пятнадцать, если не больше. Она родилась в тайге. В это время у них остановились приезжие якуты – муж и жена. Женщина-якутка помогла роженице. Эвены-родители в знак благодарности нарекли свою дочь ее именем – Маврой.

– Сейчас чаю налью. Пока посиди тут, – Мавра пододвинула к брату самодельную табуретку и засуетилась возле печки. Открыла дверцу и сунула несколько поленьев. Старый закопченный алюминиевый чайник передвинула на середину печки.

– Посиди, брат. Пускай подогреется малость.

---

¹⁵ Ака – старший брат.

¹⁶ Аике! – Какая радость!

Отошла к кухонному шкафу. Покопалась, но ничего съедобного кроме полбуханки хлеба не нашла. Вернулась к столу и торопясь нарезала хлеб на тонкие ломтики.

Отакчан сидел и молча дымил трубкой. Печка задымила немного, потом послышался треск. Это загорелись поленья во чреве печи.

– Я так испугалась, когда услышала про тебя, ака, – весело заговорила Мавра. С ее лица не сходила улыбка. Видно было, как она рада выздоровлению и возвращению брата.

– А как сами-то живете? – тихо спросил Отакчан и невольно окинул взглядом стол, где кроме хлеба и чая ничего не было.

– Живем-то ничего, не тужим, – бодро ответила Мавра.

«Мавра с детства была такой. Подрастая, тоже никогда не говорила о трудностях. Да и сейчас все такая же», – подумал Отакчан, отхлебывая чай из стакана.

– А где дети?

– Они с нами. Не работают. Тимофей помогает своему другу в ремонте его дома.

– Это же хорошо. Он же, как я понял, трудится, а ты говоришь, мол, дети не работают.

– Он же бесплатно помогает Никодиму. Тот моему сыну ни рубля не платит. Разве что вместе учились в школе.

– Пускай будет так. Главное, парень делом занят. А то, что вместе учились в школе, пошло на пользу, – Отакчан скупно улыбнулся.

– А Отакчан временно выехал в стадо к Митэкэну. Будет строить кораль, – продолжила Мавра, наливая чай в чашку.

– Ты меня радуешь, Мавра, – Отакчан заметно воодушевился.

Он любил младшего племянника. Благодарил Мавру за то, что нарекла сына его именем.

– А зять-то наш чем занят?

Тут на лицо Мавры набежала тень. Отвернувшись, тихо молвила:

– Его нет дома.

– А где же он?

– Ушел два дня назад. Не знаю, где он. Устала за ним ходить.

– Пьет, что ли?

– Пьет. Нигде не работает.

– А на что пьет? Где деньги достает? Даром никто его не напоит.

– Все время мою пенсию сосет.

– В магазине однако много водки, – предположил Отакчан.

– Как раз в магазине-то ничего не продается. Самолеты давно не прилетали, а на чем завезут эту дурную воду?

Отакчан уловил в голосе сестры злые нотки. Он далее спросил:

– А тогда откуда твой достает водку?

– Есть тут несколько точек, которые ночами торгуют вод-

кой. Люди последнее отдают за водку. Эти торговые точки грызутся между собой из-за покупателей. Там свои разборки. Все шито-крыто. Не думай, что кто-то выдаст. На самом деле все знают, у кого эти ночные точки, но все делают вид, что не знают. Просто беда, – женщина тяжело вздохнула.

Отакчан задумался. Вынул трубку и закурил. «Что происходит с сородичами? Их словно подменили за короткое время. Бывало, и раньше пили. Но тогда знали, когда и сколько пить. Исправно трудились. Не лодырничали. Беда, ох большая беда, когда все пьют. Так можно и свое будущее пропить...» – сокрушался в душе Отакчан. Ему жалко сестру. Совсем обеднели.

– Мавра, почта работает?

– Работает. Хоть она не дает нам падать духом. Без нее не знаю, как бы мы жили.

– А Сэмэкэ как поживает?

– Что с ним делается, неплохо живет. Правда, давно не видела его.

...Попив чаю, еще раз покурил. Потом встал и пошел к выходу.

– Мавра, я скоро вернусь.

Оставшись одна, женщина пригорюнилась. «Вот старший брат приехал. Я так рада. Ведь мог погибнуть. Врачи спасли. Чем же я его попотчую? В магазин пойти, что ли? Хоть несколько банок рыбных консервов в долг попрошу. Неудобно перед братом. Ей-богу, неудобно... Где я его уложу спать?

Изба тесная. Но ничего, как-нибудь поместимся. Лишь бы муж пьяным не появился...»

Мавра принялась подметать пол. Тихо приоткрылась дверь. Зашел Отакчан.

– На почте был. Ты была права, она работает. Возьми вот это, Мавра.

– Это что ты мне даешь, ака?

– Пенсию получил. Возьми, не стесняйся. Купи что-нибудь в магазине.

– Спасибо, ака. В самом деле сбегая в магазин, – по-детски обрадовалась сестра, глаза заблестели, будто помолодела даже.

– А я пойду проведу друга детства. Говорю про Сэмэкэ.

* * *

Дед Отакчан любит оленьим стадом. Его взор ласкают олени рога. У самцов рога растут быстрее, чем у остальных оленей: упряжных, верховых, важенков, молодняка. По ним легко можно определить состояние стада. Рога можно сравнить с обыкновенным зеркалом, в котором отражается лик человека, когда он смотрится в него. Там все видно. То же самое с рогами оленей. Когда видишь оленя с красивыми ветвистыми рогами, можешь не сомневаться, что перед тобой не подверженный болезням здоровый олень. У такого оленя все ветви симметрично одинаковы на обоих рогах. Отакчан

за свою долгую жизнь это хорошо усвоил. Он всегда настоятельно просит, чтобы без надобности не рубили рога. Нутром чувствует, что все жизненные силы оленя сосредоточены в рогах. Вот что значит житейский опыт.

«Рога у самцов не трогайте. Нельзя их резать. В этих рогах кроется будущее здоровое потомство. Когда-нибудь вспомните мои слова», – настаивает он при каждом удобном случае.

В пору роста рогов у оленей Отакчан советует, чтобы оленеводы пока воздерживались от ловли их арканами. В это время неокрепшие рога легко ранимы, неосторожными действиями можно сломать их. Много крови, так нужной и полезной для организма, теряет тогда олень. Поэтому верховых и выючных оленей лучше и удобнее заманивать солью. Олени с охотой лакомятся ею.

Сегодня Отакчан пасет стадо с Виктором. Ему по душе молодой оленевод. У него ровный характер, толковая голова. Прежде чем что-то сказать, он сперва подумает. Это свойство характера во многом придает ему больше степенности. Он сам-то, возможно, не замечает этого. Но сородичи прислушиваются к его голосу. Даже Айчима с его заносчивым характером слушает Виктора.

...Стадо разбрелось по широкой долине речки Буркат. Олени не спеша пасутся. Зелени сколько угодно. Торопиться некуда, потому, видать, они с особым удовольствием поедают сочную листву тальников.

Отакчан с Виктором сидят на бугорке. Чувствуется, что земля оттаяла, можно сидеть на ней. Здесь же коротенькие кроны ягоды умтичан-шикши округлыми ковриками стелются по земле. Прошлогодние ягодки, как черные бусинки, заманчиво блестят на солнце. Умтичан – самая живучая из всех ягод, какие растут на Севере. Она под толщей зимнего снега не замерзает, весеннее солнце встречает живой. Рядом появляются блеклые плоды новых ягод.

Отакчан сидит и молча с умиротворением сосет трубку, втягивая в грудь табачный дым. А вот Виктор собирает в ладонь ягоды-бусинки и по мере того, как ладонь наполнится, с умилением опрокидывает большую горсть умтичана в рот и с хрустом жует.

– Ты чем там хрустишь, как абага? – подал голос Отакчан.

– Вон сколько ягод, дед. Вкуснятина такая, – живо отзывается парень.

– По весне только абага балуется умтичаном. Он голоден, потому для него это спасение. Ты поосторожнее, как бы желудок не расстроился.

– Ничего. Не волнуйся, дед. Зато желудок промоется, – смеется Виктор.

– А ты посмотри на себя, на кого стал похож.

Взглянул Виктор на свои руки. Они были синие, как будто измазаны чернилами.

– Губы и зубы тоже синие. Хоть бы прополоскал, – продолжил дед.

Виктор молча зашагал к ручейку. Нагнулся, чтобы руки помыть. Из зеркальной глади воды на него глянула безобразная испачканная рожа, губы и зубы черные. «Неужели это я? – усмехаясь подумал он. Поневоле zalюбовался чистотой горной речки. – Вот где наше спасение от всяких напастей, наша отрада».

* * *

...Я в детстве тундровом еще застал
картины первородные, когда
стада, казалось, затмевали свет
качающейся порослью рогов,
где норовило солнце затонуть,
но выплывало, чтобы на рогах
оленьих мягким золотом сиять.
То чудо не забудешь никогда:
из поколения в поколение им ребенок
восхищался, ощутив
веков и дней связующую нить –
сообщество
олений и людей... [21]

Конец весны и раннее лето – золотое время на Крайнем Севере. Природа стремительно пробуждается и преобразается с необычайной силой. Быстро набухающая тайга на-

полняется всевозможными нежными ароматами, радующим сердце пением птиц. Кругом светло и тепло. Белые ночи вступают в свои права. Человеку от души хочется, чтобы такое благо продолжалось как можно дольше. Но всему есть предел. На свете не бывает невероятных и вечных чудес. Все меняется. Природа-мать по своим таинственным и неотступным законам все распределяет сама. Она несет на землю и хорошее, и плохое. Если бы все всегда было хорошо и гладко, не было бы проблем и трудностей, жизнь потеряла бы свою прелесть и неповторимость. Все живое, включая человека, в некотором роде эгоистично, желая почивать только на прекрасном, вечно светлом. Но такого не бывает. После незабываемой прекрасной поры, как некая альтернатива, наступает пора хаоса в природе...

Так в одно прекрасное утро все переворачивается вверх дном, вчерашнее состояние блаженства мигом улетучивается. Настают ужасные, удручающие дни и ночи. Во всем виноваты комары. Неизвестно откуда вдруг черной тучей налетает эта неведомая страшная сила, заполняя собой все пространство вокруг. В тайге не остается ни клочка земли, свободного от них.

Комары, эти ненасытные твари, ни перед чем не останавливаются. Дико издавая надоедливый монотонный пискливый звук, лезут во все дыры. Нет никакой силы, способной противостоять им. Ученые доказывают, что в мире существуют три тысячи разновидностей комаров. Есть ли от них

хоть какая-то мало-мальская польза? Скорее всего, нет. Разве только дед Отакчан на этот счет имеет свое устойчивое мнение. Как он считает, комары защищают Север от нежелательных пришельцев, быстро отнимая у тех всякую охоту поживиться на Севере. Возможно, дед по-своему прав. Нынче сильно расплодилось бродяжничество по бывшим золотым приискам. Бродяги эти не всегда имели такое обличье. В свое время они были классными специалистами, рабочими высокой квалификации. После развала Союза позакрывались золотые прииски. Мертвая, как на погосте, тишина воцарилась в закрытых рабочих поселках. В советское время в них жизнь кипела и была ключом. В чем провинились эти прииски и рабочие поселки? Может быть, те, кто много кричал о демократии, поиграли на чувствах защитников окружающей среды, потому быстро превратили Север в безмолвие? В последние годы советского периода пошла мода критиковать власть за загрязнение окружающей природной среды. Многие из демократов на волне такой критики нашли себе теплые места. А теперь по заброшенным приискам бродят тени... Они знают сезонный характер комариного нашествия. Они не уходят. Спасаются в заброшенных избах. Многие из этих изб хорошо сохранились. Почему бы не пожить в них? Такая жизнь порождает браконьерство. Бродяги убедились в том, что после закрытия рабочих поселков в тех местностях появилась всякая живность: медведи в лесных урманах, близ озер и прочих водоемов в тенистых бере-

зовых и тополиных рощах сохатые, в отрогах труднопроходимых хребтов снежные бараны, много лисиц и соболей – и удачно охотятся на них. Полученную продукцию сбывают на городских и районных рынках. Они наконец нашли для себя хоть какое-то занятие, пусть временное, но все же свое дело. Плохо то, что за ними на бросовую охоту массово бросились оголтелые браконьеры на современных вездеходах-внедорожниках, на вертолетах. Они все из числа состоятельных чиновников.

Словом, при новой власти начался откровенный грабеж Севера. Это гораздо опаснее, чем это было в прошлом. Теперь там царит беззаконие, ибо Север оказался беззащитным. Он превратился в вотчину массового браконьерства. Это в тысячу раз страшнее, чем нашествие комарья, а также всякого рода пакости. Север стонет. Есть ли спасение? Трудно ответить на этот вопрос. У этих горе-охотников всех мастей есть те, кто крышует их, то есть защищает. Отакчан, умудренный жизнью дед, потомственный оленевод, прав лишь отчасти. Комары не защищают Север. Если, предположим, и защищают, то только на очень короткое время. Но за всякое бесчестье и алчность рано или поздно придется платить. Придет время справедливости и возмездия. Таков закон природы.

Наступило долгожданное лето. Летняя пора по-своему спесива. В конце весны – начале лета оживают горные реки и речки, стекающие с гор. Набирает силу черная вода с сильным течением, бурлящая, как кипящая темная сила. Такой водой уносится множество неокрепших оленят. Вслед за этим наступает невыносимое время кровососущих насекомых – комариный писк гудит над всей тайгой. Бессметные комариные полчища налетают на все живое. Бедным оленям нет спасения от этого зла. А в середине лета оленей изматывает жара. Олени сохнут от нее, ибо они беззащитны перед таким природным бедствием. Легко подвергаются разным заболеваниям. От этого случается падеж оленей. А пока до такого кошмара еще рановато. Но оно нагрянет неожиданно. Лето непредсказуемо. Пока есть время, надо наслаждаться тем, что дарит природа. Оленье стадо нутром чувствует перемену времени. Оно умиротворенно успокаивается и не спеша растекается по пастбищам. Оленеводы с легкой душой кочуют по знакомым летним тропам. Оленята за месяц-полтора заметно подросли. Теперь ни на шаг не отстают от матерей-важенок. На удивление стали шустрými. Просто так их теперь не поймаешь. Все они разной масти. Есть темные, есть красновато-серого оттенка. Встречаются пестрые. Редко, правда, но радуют глаз оленята-альбиносы.

Северная природа в конце весны щедра, как сам северный человек щедр душой. Все вокруг радует сердце. Склоны причудливых гор, небольшие горные лужайки принаряжаются отменно, будто сплошь затянуты изумрудным ковром. Олени в хорошем настроении. Они как люди. Радуются ясному небу, золотому солнцу.

Хозяин тайги – медведь после противостояния с дедом Отакчаном на склоне горы, что высится у речки Умбэ, больше не тревожил ни оленей, ни людей. А после нападения на старика возле лабаза и вовсе исчез, то ли затаился где-то в урмане, то ли ушел восвояси из этих мест. Правда, кое-где на мокром песке возле ручейков оленеводы видели отпечатки когтистых лап. Может, это тот, а может и другой, пришелец со стороны. Оленеводы теперь называют того медведя «наш». Они про себя и вслух благодарят хозяина тайги за добрососедство. Отакчан как бы невзначай напоминает о необходимости уважительного отношения к нему. «О нем нельзя говорить непочтительно. Это обернется против тебя самого, – повторяет при каждом разговоре о медведе. – Эвены издревле говорили: «Миролюбие медведя – к сытой жизни. Злой зверь – к неурожаю и голоду». Еще говорили наши предки: «Медведь хитрее человека, не пытайся с ним мериться умом».

Виктор с Байбалом почтительно слушали старика. По их любопытству видно было, как им интересны слова пожилого человека. Только Айчима, как всегда, посмеивался над ста-

риком.

– Дед, сколько тебя слушаю, ты ни разу дурных слов о нем не говорил. Скажи, тогда почему медведь на тебя напал? – глаза Айчимы озорно поблескивали.

Дед Отакчан по своему обыкновению не сразу подал голос. Подбоченившись, сидел невозмутимо. Под конец вынул изо рта трубку, сунул во внутренний карман старой замшевой куртки и тихо заговорил:

– Абага был голоден. Сам знаешь. Ему жить хотелось. А без кормежки и он помрет. Свалил лабаз, разодрал кули с мукой и стал утолять голод. В это время к лабазу подъехал я с оленями. Абага неуступчив, потому задумал отстоять свою добычу. Другими словами, добытую им муку. Вот и напал. Скорее он умертвил бы меня тогда, но, видно, свыше до него дошел сигнал о том, что не на того напал. Вот и Кэрэмэс не случайно подоспел. А ты, Айчима, умеешь только лясы точить, а строить крепкий лабаз не можешь. Из-за твоей расхлябанности я попал в беду и едва не погиб. Тут не абага виноват, а виноват ты. Понимаешь, Айчима? То-то из милиции зачастили тогда ко мне в больницу и все допытывались. Все про тебя спрашивали.

Блаженная улыбка медленно сошла с самодовольного лица бригадира. В палатке воцарилась тишина.

Отакчан знает, о чем говорит. Природа мудра. Она берет под свою защиту всех: и зверей, и птиц. Белоснежную куропатку, например, не сразу заметишь в снегу. Эта безобид-

ная краса Севера умеет себя обезопасить. Засыпает не просто так, а делает лунку в снегу, где и засыпает спокойненько. Ее не заметит ни сова, ни сокол, ни даже лиса. Ей помогает сама природа.

Однажды Виктор ехал к оленям. За ним неторопливо следовал дед Отакчан. Ехали по мари. Откуда-то со стороны послышался отчетливый зов куропатки-самца: «Кабьяв-кабьяв-кабьяв!» И вдруг буквально из-под ног верхового оленя выпорхнула взрослая куропатка. Отлетев метров десять, села и вытянула шею.

Виктор соскочил с седла на землю и замахнулся палкой, чтобы запустить в куропатку. Сзади послышался негромкий оклик деда Отакчана: «Не смей!» Виктор, опуская палку, недоуменно оглянулся на деда. Между тем куропатка, все так же вытянув шею, побежала между кочками. Она явно не собиралась удирать. Ее что-то удерживало тут.

– Я бы попал в нее. Почему остановил меня, дед? – спросил Виктор, когда дед подъехал к нему.

Отакчан молча спешился.

– Ты слышал, как кабьяв загалдел? – спросил дед.

– Слышал. Но голос его доносился издалека.

– Это куропаточья семейная пара. Самец издали караулил самку. Учув опасность, он поспешил подать сигнал тревоги. Куропатка поначалу, видно, затаилась в надежде, что мы проедем стороной. А ты, как назло, поехал прямо на нее. Вот она и выпорхнула. Поищи-ка тут, у тебя зоркие глаза. Где-то

рядышком она понесла яйца, — дед говорил тихо и спокойно.

Виктор стал всматриваться в кочки.

— Нашел, дед! Вот они, яйца! — азартно вскричал Виктор.

Отакчан подошел к нему. В небольшом округлом сооружении из трав лежали шесть яиц. Они были пестрые, под цвет трав.

— Люблю вареные яйца, — с такими словами Виктор снял картуз и потянулся к яйцам, чтобы сложить их туда.

— Бери четыре яйца, а два оставь. Смотри, не дотрагивайся только к ним, — велит Отакчан.

— Давай все шесть возьмем, абага.

— Зачем? Это же потомство куропаточье. Пожалей куропатку. Она же будет горевать, если останется без птенцов. К тому же эвены не жадные.

Виктор не посмел спорить с дедом. В метрах пятнадцати-двадцати вновь появилась куропатка. А в ближнем лесу тревожился отец семейства: «Кабяв-кабяв-кабяв!»

«Каждый борется за свое выживание. Даже вот эта куропатка. Как она рисковала жизнью. Если бы не было деда рядом, я скорее всего подбил бы ее... Дед прав, тут даже спорить нельзя. Вот встречу Илани, обязательно ему расскажу об этом случае. Илани любит слушать такие байки. Ему хочется податься в оленеводы. Он как-то говорил мне об этом. По-моему, быть ему оленеводом недостаточно. Должен же кто-то из нас выйти в люди и отстаивать наши права. Может, из Илани выйдет толк. Сейчас мы все существуем, как эта

куропатка, на которую я замахнулся было... Такая жизнь, если она продолжится, ничего хорошего нам не сулит», – Виктор весь погрузился в свои мысли.

* * *

Вчера оленеводы сменили стоянку. Перекочевали на речку Бургавли. К кочевью начали готовиться заблаговременно. Рачительные, опытные кочевники к следующему аргишу¹⁷ начинают готовиться с первого же дня стоянки на новом месте. Заранее определяют место каждой вещи. Айчима не позволяет подолгу задерживаться на одной стоянке. Раньше при власти Советов сезонные маршруты кочевий строго контролировались. Руководство оленеводческой фермы находилось в селе. Заведующий фермой в любое время выезжал в любую бригаду. При этом без предупреждения, не пытаясь даже уточнить местонахождение стада. Ранней весной он сам собственноручно утверждал летние маршруты стад и по этой карте смело отправлялся к оленеводам. Те в свою очередь встречали его в той или иной местности строго по графику кочевий. Некоторые стада иногда запаздывали с кочевкой на пару дней. Тогда без замечаний не обходилось. Заведующий фермой был строг в этом отношении. Так делалось для лучшей сохранности и нагула оленей. А все это потом обра-

---

¹⁷ Аргиш – кочевка.

чивалось материальной и моральной пользой для самих же оленеводов. Айчима по-хорошему вспоминал то время.

Теперь над Айчимой никто не довлеет. Он сам все решает. Кажется, это ему тоже по душе. Летние кочевки, их маршруты, где сколько суток жить и дальше куда кочевать – все это его дело. Тем не менее в нем нет самодовольства. Его научили старшие наставники из советского времени неписаным правилам кочевой жизни. Давно усвоил реальную пользу незабываемого прошлого опыта. А в других стадах нынче жизнь свободная. Про графики маршрутных кочевий давно забыли. Могут сколько угодно жить на одной и той же стоянке. Никто от них ничего не требует. Олени до основания растаптывают ягельники. Вот такая вольная жизнь пошла. В таких бригадах больше расхлябанности, чем порядка. Там, где пасут оленей спустя рукава, где не дежурят, случаются большие потери. Ведь за оленями нужен глаз да глаз. А теперь никто ни за что не отвечает, да и некому требовать. Все это бросает тень на оленеводство. Да и профессия оленевода нынче никого не привлекает. Так думают многие. На самом деле большинство оленеводов – настоящие дети природы. Они-то другой жизни, кроме жизни в стаде, не воспринимают. У честного, порядочного оленевода и у оленя – одна судьба. Такой оленевод любит оленей. Где бы ни был, тоскует по ним. И олени также радуются своему хозяину, когда он возвращается к ним. В стадах, которые часто кочуют, олени упитанные, здоровые. Тут люди и олени поневоле часто

общаются друг с другом. Вот такая взаимная любовь нынче исчезла. Навсегда ли?

Сам Айчима, понукаемый дедом Отакчаном, этому не верит. Он знает, что его пастухи Виктор и Байбал относятся к оленю ничуть не хуже, чем он сам. Айчима, к примеру, как увидит волчьи следы, теряет всякий покой. Дни и ночи напролет объезжает оленей. Виктор с Байбалом не отстают от Айчимы. Парни по очереди круглые сутки пасут оленей. Волк – хитрый и умный зверь. Нападал бы на оленей в любое время, да остерегается человека. Когда тот рядом с оленями, волк предпочитает держаться подальше. Отакчан и тут не отстает от молодых. «Ребята, всегда смотрите в оба. Не говорите потом, что я не учил вас. Как почувствует волк отсутствие человека, так тут же начинается свои разбойные набеги. Обычно он выходит на охоту ночью, когда темно. Знает зверь и о том, что люди ночью спят. Не упускает момента, потому нападает наверняка». Так он внушает оленеводам. Айчима в другое время спорил бы по обыкновению со стариком, но тут отмалчивается. Нутром понимает правоту старого оленевого человека. Волков можно гнать, а то и добывать при помощи ружей, капканов, ядохимикатов. Но самое надежное средство защиты оленей от волчьих набегов – присутствие рядом человека. Ты, оленевод, не спи много, больше думай об оленях, об их сохранности. Вот тогда только добьешься удовлетворения трудом и самим собой.

Айчима, наскоро попив чаю, пошел к дальнему лесу у под-

ножья зубчатой скалы. На себе притащил толстый сухостой для растопки. Сейчас с Кирилкой пилят его на чурки ручной пилой. Мальчик подустал и вспотел, но виду не подает.

– Дождь нагрянет, Кирилка. Много дров потребуется тогда, – говорит Айчима, с довольным видом посматривая на мальчика. Ему нравится усердие Кирилки.

– Посмотри на небо, нет ни облака, откуда возьмется дождь? – не переставая тянуть пилу, спрашивает Кирилка.

– Чуешь дуновение холодного ветерка? – Айчима улыбается.

– Да, есть немного. Правда, так даже лучше, чем жара, – звонко откликается мальчик.

– Знаю, что будет дождь или выпадет снег по тому, как ноют мои кости, – тут с лица Айчимы исчезла улыбка.

Кирилка непонимающе смотрит на отца.

– Тебе, Кирилка, рано обо всем этом знать. Вот составишься, как я, тогда однако поймешь.

– Это ты старый? Нет, ты не старый, – смеется Кирилка.

– Почему так считаешь? – Айчима вновь улыбается.

– Потому что ты сильный.

Айчима перестал пилить. Некоторое время молча смотрел на Кирилку, потом мягко сказал:

– Ладно, иди отдохни, Кирилка. Остальное сам нарублю топором.

– Скоро вернусь и натаскаю дров в палатку, ладно? – Ки-

рилка побежал к речке. Там он поищет камушки разных видов и немного поиграет.

«Иди резвись, пока мал. Пока я рядом, с тобой все будет в порядке», – Айчима глядел вослед Кирилке, чувствуя, как теплая волна прошла по груди. В эти минуты ему вспомнился Илани, когда он был подростком.

* * *

Комариное нашествие началось неожиданно. Оно наступило с ранними лучами солнца, когда люди еще спали. Еще вчера о комарах ничто не предвещало. А сегодня оленеводы проснулись от гула несметного числа комаров. Откуда они появились так неожиданно, этого никто сказать не может.

Стадо, спасаясь от них, прибежало к палаткам. Дежуривший ночью Байбал упустил их, потому отстал. Олени ошалело, без остановки кружились по явтаку¹⁸. Виктор еле успел поймать верховых оленей. Он опасался, что олени всем стадом могут умчаться, куда глаза глядят. Можно остаться без оленей. Пешком их не догонишь. Когда стадо ринулось вверх по речке, оленеводы поспешно принялись восстанавливать прошлогодние дымокуры. Прогнившие шесты заменили новыми. Благо, недалеко на склоне горы зеленел редковатый лесок. Собрали все, что могло гореть. У подножья горы в

---

¹⁸ **Явтак** – стоянка оленей в летнюю жару возле чумов.

мешки затолкали мокрый бурый мох. Притащили мох к загорающимся кострам и бросили его в них. Повалил густой дым. Наконец-то задымили четыре дымокура. Олени, почуяв издалека дым, повернули назад к становищу, где стояли палатки. Ветра не было, потому от дымокуров пользы было немного. Олени теснились вокруг них, рискуя наступить на горящие угли.

Дымокуры не могли охватить, как того хотели оленеводы, все стадо. Олени, оказавшиеся вдали от спасительного дымокура, вновь пускались в бег навстречу слабому ветерку, увлекая за собой всех оленей. Олени знали, куда бежать. Их манило верховье реки. Там просторно, тягучий воздух не стоит на одном месте. Налетающий изредка ветер рассеивает его. Оленям только это и нужно. Но и тут они не останавливаются, как ошалелые, крутятся вокруг. Здесь им легче дышать, чем в низовье реки, где много тальника и кустарника. Там кипящим роем крутится комарье, там настоящий ад для всего живого.

Комары доставляли немало хлопот и самим оленеводам. Они нагло садились на открытые места тела: на руки, на лицо, лезли за ворот, пытались попасть в ноздри. Не было спасения даже внутри палаток, где по углам комары кишели гудящей темной массой.

Люди, хоть плачь, абсолютно не имеют никакой защиты от них. Было время, когда в стада доставляли дымовые шашки, противокomarиные сетки для оленеводов, мази разные. Сло-

вом, о людях и оленях заботились. К сожалению, то время кануло в Лету. Сейчас настали другие времена, где на простых людей, оленных людей мало кто обращает внимание. Много говорильни и пустых обещаний. Все талдычат о каком-то мнимом развитии, о каких-то мегапроектах, до которых оленеводам далеко, как до небес. Те мегапроекты, о которых много шумят, вместо позитива вносят больше сумятицы в размеренную жизнь жителей тайги. Все ссылаются на какую-то демократию, на свободу. Оленеводы, от природы смекалистые люди, все понимают, но помалкивают. Все доброе и хорошее осталось в прошлом, ничего теперь не вернешь. Правда, один дед Отакчан остается при своем мнении: «В природе все меняется. Зиму заменяет весна, за весной наступает лето, затем осень. И жизнь человека крутится так же. В ней нет ничего, пришедшего навсегда. И это непонятное сложное время тоже уйдет. Вот увидите, оно обязательно уйдет. Я-то скорее не доживу до того светлого дня. Говорят, сейчас много воруют. Те убегут в чужие страны. А вы будете смеяться им вослед». На эту тему дед много рассуждал. С ним никто не спорил.

Виктор с Байбалом погнали стадо в горы, где свежий воздух. К вечеру наступит прохлада.

Солнце клонилось к закату. Оно медленно опускалось на вершины хребтов, озаряя их скалистые склоны золотым покрывалом. Вот-вот оно исчезнет за ними. В это время к Айчиму пришел дед Отакчан.

– Айчима, здесь оленям худо. Перекочуеть-ка на верховье речки Нолима, – заговорил он.

– Через перевал, что ли?

– Надо оленей спасать.

– Пожалуй, ты прав, дед. Завтра откочуем, – немного подумав, согласился Айчима.

С вечера до поздней ночи готовились к кочевке. На нарты положили продукты, хозяйственную утварь, палатки. Остальные вещи навьючат на оленей.

Утром проснулись рано. Стадные олени с первыми солнечными лучами сами прибежали к людям. Комары по-прежнему сильно гудели. Олени, как обычно, не остановились, а продолжали бежать вкруговую, поднимая пыль. Это стоило им большого напряжения сил. Оленеводы привычны к любому труду. Они делают свое дело при любых условиях. Так случилось и на этот раз. Без криков и ругани прошла ловля оленей. На нервозность и плохое настроение человека олени весьма чутки. Иным может казаться, что олень ничего не понимает, а на самом деле у этого животного тонкое чутье. Как только в очередной раз стадо умчалось к верховью реки, не мешкая, даже не попив традиционного чаю перед кочевкой, люди выехали. Их прочь гнали комары.

...Путь через перевал был трудным. Особенно туго нартовым оленям. Тащить наверх груженные нарты бедным оленям тяжело. По две нарты вели за собой Айчима и Виктор. Виктору жалко оленей. Он сам, как бурлаки на Волге, длин-

ной лямкой тянул нарты наравне с оленями. Иногда спешил на помощь к Айчиму. Выучный аргиш с Танмак, Кирилкой и двумя стариками без особых трудностей, хотя и с частыми остановками, поднялся на перевал. Олени, высунув розовые языки, тяжело дышали. Из рта на землю падала пена. Здесь стоял самодельный ритуальный столб, сооруженный из камней. Каждый проезжающий оставлял здесь что-нибудь в качестве дара. Без этого нельзя. Иначе Дух земли не одобрит, более того, обидится. Постояли немного. Все молчали. Каждый думал о своем. Вот зашевелились и двинулись вперед. Благополучно спустились на широкую долину речки Нолима. Здесь сразу же повеяло свежестью. Легкий ветерок, будто радуясь, слегка щекотал загорелые, вспотевшие лица оленеводов.

Вскоре по перевалу с привычным гулом спустилось оленье стадо. Вслед за ним вниз степенно сошел Байбал, ведя за собой учага.

– Молодчина, Байбал. Один справился со стадом, – похвалил оленевода Айчима. Его широкоскулое лицо было все в поту.

Байбал, довольный, молча улыбался.

Олени первый раз за последние несколько дней с упоением бросились на свежую зелень. Здесь, на продуваемой ветром местности, комаров почти не было.

Внизу, по течению речки Нолима, белела наледь.

У всех приподнятое настроение. Танмак поманила солью

дойных важенок. Поймала, повела за собой к палатке. Привязать их было негде, кругом голая без тальников местность.

– Айчима, поддержи-ка, надою молока, – велела Танмак мужу.

Айчима в это время ставил палатку. Он оставил свое занятие и, подойдя к важенке, левой рукой взялся за узду, а правой стал поглаживать ее по холке. Важенка почуяла твердую руку мужчины и присмирела. Танмак подоила пятерых важенок.

– Мало молока дали. Из-за комаров толком не паслись, – Танмак отпустила важенку на волю.

После этого Танмак принялась хлопотать возле костра, разведенного Айчимой. Подправила большой медный чайник над костром. Дополнительно повесила над очагом котелок с водой. Оленеводы любят чаевничать. После кочевья хорошо заваренный чай с молоком особенно по нутру оленеводам. Когда чайник вскипел, Айчима громко подал голос:

– Приходите все. Вас Танмак приглашает на чай.

– Ты чего так громко-то? Будто у меня еды заготовлено много, – смутилась Танмак. – У меня же только чай да лепешка.

– Сама же знаешь, для оленевода чай с молоком основная еда, – смеется Айчима. Потом повернулся к Кирилке: – Кирилка настоящий мужчина. Он все выдержал.

Один за другим степенно подошли Виктор, Байбал, старик Гаврила. Некоторое время спустя появился и дед Отак-

чан. Все сели вокруг плоского деревянного стола и молча приступили к чаепитию... По выражению их лиц было видно, какое удовольствие получают они от горячего чая с густым оленьим молоком.

* * *

Дожди затянулись. Олени разбрелись. Пастухи выбились из сил в тщетной погоне за ними. Отакчан жалел молодых оленеводов. «Они как птенцы. Еще не оперились. Неопытны. Разочаруются и уйдут. Тогда ничем их не заманишь обратно к оленям». Старик, мягко ступая на мокрую жухлую траву, подошел к бригадиру. В сером брезентовом дождевике с высоким капюшоном Айчима выглядел еще более рослым.

– Дал бы парням малость отдохнуть, Айчима.

– А кто будет пасти оленей? – Айчима медленно повернул голову в капюшоне и удивленно сверху вниз посмотрел на старика.

Айчима сравнительно не старый, ему лет под пятьдесят. В дождевике же выглядел старше своих лет. Его вытаращенные сероватые глаза говорили, мол, в своем ли ты уме, дедушка...

– Не видишь, что ли, как парни устали?

Айчима раздраженно махнул рукой и отвернулся от старика. Он вновь молча уставился в отдаленные горы, сплошь затянутые облаками. Давеча про себя ругался с небесным

владыкой из-за того, что тот нещадно поливает бедную землю водой. Кому нужна эта небесная вода? Одни убытки... Нету там никого на небесах. Еще этот старик, неугомонный такой. Помолчав, словно отрезал, бросил:

– Пускай пасут. Это же их работа.

Отакчан промолчал. Айчима повернул голову к старику и вновь заговорил:

– Сам бы отдохнул, дед. Вижу, как ты сильно устал, промок весь.

– Я не о себе говорю. О людях толкую.

– Ишь какой добрый.

– Не ехидничай, Айчима. Ты молод, чтобы так разговаривать со мной.

– Да ладно... Лучше костер бы развел, чем языком трепать. Чайку бы горяченького попить, – голос у Айчимы смягчился.

«Айчима мне в сыновья годится. А как разговаривает со мной? Потерял всякий стыд. В наше время мы уважали старших, не перечили им ни в чем. Сейчас другое время, молодежь потому со стариками не считается», – с обидой подумал Отакчан, понимая, что с Айчимой бесполезно дальше говорить.

– Однако тут ты прав, Айчима. Пойду займусь костром, – Отакчан поднял голову на небо, не замечая, как крупные дождевые капли потекли по морщинистому лицу.

«Не скоро пройдет однако. Речки потекут черной водой.

Оленят водой унесет. Беда тогда», — думал старик, собирая в тальниках мокрый хворост для костра. В голове без остановки крутились мысли об одном и том же: «Часть оленей откололась. Виктор с Байбалом, несмотря на дождь, поехали на их поиски. Могли бы переждать, пока пройдет дождь. Да вот Айчима настоял, чтобы оленей нашли. Сам же караулит этих оленей. Я вызвался ему помочь. Вдвоем все же лучше...»

Он должен зажечь костер. В жизни не было случая, чтобы не сумел этого сделать. «Неужели не сумею? Айчима долго будет надо мной смеяться. Не быть этому. Эвен при любой погоде костер разведет. Вот посмотрим...» Под стружки подложил обрывок старой газеты и поднес спичку. Слабенький язычок пламени побежал по бумаге. Добравшись до первых стружек, поубавил свой пыл. Он слабел на глазах, вот-вот погаснет. А костер не спешил разгораться. Старик на всякий случай всегда хранил во внутреннем кармане пальто старую газету. Такая предусмотрительность бывала кстати. Она пригодилась и сейчас. Сухая газета быстро вспыхивает, поднеси только спичку. Язычок огня взбодрился, вцепился в стружки. Постепенно появилось малюсенькое пламя. Дым сладко пощекотал ноздри, стал густеть. Всем корпусом.

Отакчан прикрыл огонь от дождя. Огонек загорелся сильнее. Отакчан тут же смастерил над ним маленький очаг из ствола тальника и повесил копченый до черноты чайник...

Дождь поутих. Вскоре подошел Айчима. Он удовлетворенно крикнул:

– Как хорошо в такую погоду посидеть у костра, – и протянул к костру озябшие руки.

...Молча попили чай. Когда вокруг сыро и холодно, нет ничего желаннее, чем этот небольшой костер, дарящий людям свое тепло. А чай с дымком у костра?! Это поистине волшебный дар, согревающий душу таежника. Попив чаю, Айчима подобрел.

– Как без тебя я буду, дед? Живи у меня постоянно, – улыбается он безмятежно.

Отакчан молча собирал кружки, чайник в старый рюкзак. Он, конечно, слышал слова Айчима. Знал, что тот говорил под настроение...

К вечеру пригнали оленей к палаткам. Парней не было. Айчима пригласил старика в свою палатку.

– Парни не приехали, – тяжело вздохнул старик, опорожнив чашку чая.

– Потеряем половину оленей, с кого в первую очередь спрос? С тебя, что ли? За все я буду отвечать. А с тебя как с гуся вода. Здесь я хозяин.

– В такую погоду хороший хозяин даже собаку не выгонит из дому, – Отакчан говорит ровно, будто не замечая запальчивости бригадира.

– Я же тебе сказал – отдохни. Ты свое уже давно отработал.

– Дело ведь не только в людях. Ты этого не понимаешь.

– Чего я не понимаю? Объяснил бы хоть.

– Дай и оленям свободно попасть.

– А потом как их соберешь? Не пойму тебя, дед: то говоришь, за оленем глаз да глаз нужен, то дай им свободный выпас.

– Олень не такой дурак, как иным кажется. Он не умчится, куда глаза глядят. Дорожит он своей дружбой с человеком.

– Мне, например, неизвестно, о чем думает олень. Думает ли он вообще?

– А как же?! Все, что окружает нас, мыслит. Олень тоже.

– Может и так. Но я что-то не замечал.

– Земля все слышит. Деревья, тальники, камни, реки, леса и горы – дети земли. И все звери, обитающие на ней. К ним надобно относиться с глубоким почтением.

– Оригинальный ты человек, дед, – тихо засмеялся Айчи-ма. Он пытливо всматривался в Отакчана, пытаясь понять, почему этот неграмотный старик сильнее духом, чем он.

– Всякое проявление неуважения ко всему, что нас окружает, к этим горам, деревьям, реке, озеру, – грех. Потому ты не смейся, Айчима.

– А откуда ты все это знаешь, дед?

– От моих далеких предков...

– А что, по-твоему, те предки умнее нас были?

– Нельзя так говорить. Зачем сравнивать?

– Истина познается в сравнении, дед.

– Наших предков нельзя сравнивать. Ни с кем.

– Почему же?

– Да потому. Что тут непонятного? – дед резко вскинул глаза на бригадира.

– Вот именно, тут все ясно. Кто умнее – или далекие-далекие предки, темные по сути люди, невежды, можно сказать, или образованные современные люди? Есть разница, дед?

– Я же сказал тебе, нельзя их сравнивать.

– Ничего не понимаю.

– Между нами слишком большая разница.

– Вот-вот... Ты уже ближе к истине, дед.

– Предки для нас недосягаемы.

– В силу того, что давным-давно умерли, да?

– Своими неумными словами накличешь на нас беду.

– Да никакой беды не будет. Все это ерунда.

– Предки были детьми природы. Они ее знали, уважали и любили, – Отакчан, как от назойливой мухи, отмахнулся от слов Айчимы.

– Рассуждаешь, дед, так, будто ты один такой мудрый, а мы, безмозглые, не знаем природы.

– Если б знал, так безрассудно не болтал бы, Айчима.

– Знаем, знаем эту самую природу.

– Твои знания поверхностные. Смотришь вокруг и доволен. Тебе кажется, что ты уже все знаешь о природе.

– Можно подумать, будто ты больше меня знаешь... – Айчима хохотнул.

– Предки не просто любили природу, а почитали ее.

– В силу своей невежественности, да? – у Айчимы озорно

блеснули глаза.

– Они преклонялись перед ней, потому мудрее нас были. Вот ты проявляешь полное неуважение ко мне. В прошлом слово старшего по возрасту для всех остальных членов рода являлось непререкаемым. Без этого наши сородичи не дожили бы до сегодняшнего дня.

– Почему?

– Передрались бы, был бы хаос, когда никто никого не слушает и не уважает. А там был порядок.

– Так называемый первобытный тоталитаризм, так получается.

– Это мудреное слово мне непонятно.

– Объясню популярно. Это когда один командует, а все остальные слепо подчиняются, или когда старики берут власть и никому не уступают.

– Перестань, Айчима. Что это ты на деда давишь? Послушал бы лучше его, – подала голос молчавшая до сих пор Танмак.

Айчима, улыбаясь глазами, посмотрел на жену.

– Ты вроде образованный человек, а мыслишь мелко. Твои слова мне непонятны, – тихо пробормотал Отакчан. Медленно поднялся, шагнул к пологу. Ссутулившись, пошел к своей палатке.

Он явно был раздосадован неуступчивостью Айчимы: «Одним днем живешь, Айчима. И не только ты, а многие. Если так продолжится и дальше, то скоро никого не станет.

Все вымрут. Об этом не думают, хотя и бьют себя в грудь, кичась своей ученостью. А какой толк из их учености, если дальше одного дня не видят ничего? Беда, если люди облепились душой».

...Отакчан поднял глаза на небо и тяжело вздохнул. Темные облака по-прежнему низко висели над землей. Отдаленные горы спрятались за белыми туманами.

* * *

Он никогда не видел отца таким сердитым. Лицо потемнело. Оно стало похоже на серый испещренный камень. Глаза закатились, как в предсмертной судороге у забитого оленя. Всегда степенным бывал, а тут беспрестанно размахивал руками и зло кричал: «Зачем ты так долго живешь на этой земле?! Какой толк с того? Почему не приходишь ко мне?.. Я жду, жду тебя и не могу дожидаться... Что молчишь?! Обо мне не позаботился. Ни разу не навестил. Знал бы, как мне тут неуютно и холодно. Вот придешь, я поговорю с тобой, Отакчан. Научу, как исполнять волю отца. Думаешь, раз человек откочевал в верхний мир, он исчез навсегда и можно о нем забыть? Как бы не так. Я все вижу и слышу. Почему ты бросил меня? Я совсем один. Кругом много душ, некуда даже повернуться, но ведь все незнакомые. Где твоя мать? Где братья? Нет никого рядом. Где они? Ты знаешь? Нет, не знаешь. Я просил, чтобы мы все были вместе на Тонмэе. Ря-

дом с отцом моим, с моей матерью, как жили всегда. А кто ездит по моим тропам? Кто-нибудь хоть изредка вспоминает меня? Почему молчишь? Отвечай, я тебя спрашиваю!»

Отец с перекошенным лицом схватил палку и замахнулся на Отакчана. Тот прикрыл голову руками и жалобно закричал: «Не надо, отец!» И проснулся...

Его тормозил за плечи Байбал. Отакчан молча посмотрел на парня и подумал: «Странный какой-то сон. Как рассказывают, откочевавшие в другой мир люди иногда приходят во сне, молча появляются и уходят. Если о чем-то говорят, то односложно и тихо. А тут отец такой сердитый. Это не к добру. Может, он предупреждает о какой-то напасти... Однажды было такое. Тоже приснился и все кричал. После этого я угодил в тюрьму...» Отакчан, стараясь отвлечься, встряхнул головой.

– Проснись, абага! Проснись... – приговаривал Байбал.

– погоди кричать, Байбал, я проснулся, – старик медленно повернулся на бок.

Байбал по-прежнему сидел перед ним на корточках.

– Медведь, что ли, гнался за тобой, абага? Уж слишком громко кричал. Отец говорит мне, сбегай к Отакчану, не помирает ли.

– А где твой отец? – Отакчан вновь лег на спину, вытянулся на жесткой шкуре. Кости в суставах хрустнули.

– Отец у себя в палатке. Куда он денется?

– Передай ему, я не помру, охота мне еще пожить. Во вся-

ком случае раньше его не помру.

– Передам, передам, – парень заморгал глазами, раздосадованный последними словами старика.

– Он, небось, уже встал и занимается хозяйством? – у Отакчана оживились глаза.

– Все прислушивается к небу, не летит ли вертолет, – поборов легкую досаду, ответил Байбал.

– А кого он ждет на вертолете?

– Ну, известное дело, чего он ждет...

– А, вот ты о чем. Жалко мне Гаврилу. Пропадет парень.

– Э, абага, это мой отец, по-твоему, парень, да? – Байбал от души громко засмеялся. Видно, он представил в мыслях своего отца молодым парнем.

– Ты смеешься... Отец твой тоже был молодым когда-то.

– Но теперь-то он старик немощный.

Отакчан закрыл глаза и довольно долго не отзывался. Байбал с тревожным видом поглядывал на старика: «Что с ним? Почему молчит? Не заболел ли?»

– Не знаю, плохо ли, хорошо ли, Байбал, что разбудил меня, – с закрытыми глазами наконец вяло заговорил старик, почему-то думая о Гавриле: «Послал сына своего, чтобы разбудил меня. Видно, даже ночью не спит, все ждет вертолет. Заскучал старик, ему песни петь захотелось».

– Ты недоволен, абага, что я тебя разбудил? – недоуменно спросил Байбал и вдруг стал похож на молодого чамакчана, детеныша горного черношапочного сурка.

– Нет, это так... Во сне метался. Не обращай внимания, Байбал. Уже утро?

– Еще рано. Малость подреймай, абага. Я пойду, немного посплю.

Байбал бесшумно вышел, аккуратно закрыв за собой до черноты засаленный полог.

Отакчан повернулся на бок к стенке палатки, но сна уже не было. Пошарил вдоль подстилки. Нашупал трубку с кожаным мешочком, лежа набил ее табаком, потом медленно сел и, чиркнув спичкой, раскурил трубку. С наслаждением затянулся. Задумался.

В последние три-четыре года отец стал регулярно сниться Отакчану. Отец снился ему и раньше, но особо не разговаривал. Приходил, говорил мало, больше молчал, следил за ним. Но как только Отакчан вместе со стадом переехал сюда, на речку Тонмэй, отец стал приходить во сне каждую ночь. Расспрашивал о нем самом, о братьях. Нравились такие сны Отакчану. Ему казалось, что все это наяву. А утром медленно приходил в себя, и тогда невыразимая грусть сжимала его сердце...

«Но в этот раз отец почему-то не был похож на себя. Почему он был такой сердитый? Однако я что-то не так делаю... Чем же я растревожил его покой? Сон этот, кажись, не к добру. Отец зря звать не будет. Он однако хочет меня забрать к себе. И забрал бы. Мне за эту жизнь цепляться нет резону. Теперь я никому не нужен. Никому нет дела до меня. Помру,

никто не заметит и не вспомнит. Раньше я жить сильно хотел. Тогда человеком считался. Меня знали, писали обо мне в газетах. Прилетали на вертолете люди, разговаривали со мной как с равным, затем фотографировали. А сколько возили на разные собрания. Давали премии, подарки, грамот целая куча хранится у сестры.

И вдруг все переменялось, будто вся земля опрокинулась. Пошла другая жизнь, непонятная, суетная. Каждый стал думать только о себе. Пропадем мы все, пропадем... Прежняя власть была близка к простому человеку. Сильно заботилась о нас. Продовольствием хорошо снабжала. Со спичками, скажем, станет худо, в тайге разное случается, то дожди, то черная вода на горных речках поднимется, спички отсыреют. Тогда вертолет тут как тут. Прилетали врачи, осматривали всех. Иной раз артисты песнями, танцами нас веселили. Интересная жизнь была... Заболеешь в тайге, как тут же прилетал вертолет и увозил. В больнице к больному относились тепло. Врачи, в основном русские и якуты, заботились, когда выздоровеешь, привозили обратно. Никто денег не требовал.

Почему та власть вдруг поменялась на эту? Я этого никак понять не могу... Забрал бы отец скорее, если так тоскует по мне. Я свое пожил...»

– Отец приходил... – только и сказал Отакчан, когда утром к нему наведалься Гаврила и поинтересовался, как ему спалось.

– Неужто? Прямо как живой пришел? – Гаврила, выпучив красноватые в белках глаза, заговорил запальчиво.

Отакчан будто не слышал слов старика, сидел с безучастным видом. Откровенно говоря, он недолюбливал Гаврилу за его извечную бестактность. Но не только за это. Есть грех за Гаврилой. Правда, он держится так, будто за ним нет никакого греха. Всегда безалаберный, порою дерзкий. Когда подвыпивший, не терпит замечаний, бесшабашно лезет драться со всеми. Отакчан острым словом часто остужает его, как он считает, бестолковую голову. И подтрунивает над ним. Это бесит Гаврилу. Но он ничего не может поделать против Отакчана. Тот бьет его праведным словом. За это сородичи уважают Отакчана. Гаврила чуть моложе его, неважно, на сколько лет, а выглядит заметно старше. Одряхлевший старик. Жидкие непричесанные волосы прилипли к низкому лбу, давно нестиранная рубаша неизвестно какого цвета расстегнулась на воротах. В свою очередь Гаврила тоже при каждом удобном случае пытается больно подколоть Отакчана, поставить ему подножку.

– Да, так и пришел, – помолчав, Отакчан, не поворачивая

головы, тихо отозвался на вопрос Гаврилы.

– Нимэрэ!¹⁹ Сколько лет прошло, как он помер, даже неизвестно, где его могила, – Гаврила быстро оглянулся, словно боясь увидеть призрак мертвеца.

Отакчан отложил давно потухшую трубку.

– Да, в этом ты прав, Гаврила. Я, и правда, не знаю, где могила отца...

– Раз приходил, значит, недоволен он тобой, Ота, – Гаврила многозначительно взглянул на Отакчана.

– Я тоже так думаю, – безропотно согласился Отакчан.

– Скоро и я умру. Но если сын мой Байбал забудет меня, я тоже буду на него сердиться. И стану наяву приходить, нагоняя на людей страх, – голос у Гаврилы вдруг окреп.

– Ты это зря. Я не забываю отца. Память о нем берегу.

– Но ты даже не знаешь, где он похоронен.

– Тут нету моей вины...

– Неважно. Это грех, Ота. И ты все равно виноват перед ним.

– Не спорю, наверно, ты прав, Гаврила, – Отакчан тяжело вздохнул: «Нахал же ты, Гаврила. Вишь, даже «грех» говоришь, будто сам праведный».

– И бог тебя наказал за непочитание памяти отца, – Гаврила, явно довольный собой, искоса поглядывал на сникшего Отакчана. – Вот уйдешь на тот свет, никто не будет навещать твою могилу. Это уж точно.

---

¹⁹ **Нимэрэ!** – Страшно!

А тот молчал и думал: «Опять злорадствуешь, что я остался бобылем. Мне трудно с тобой спорить, Гаврила. Бог определил мою судьбу такой, чтобы я сполна испытал горечь одиночества здесь, на земле, и на том свете, когда настанет день отправиться на поиски души отца... Ты прав, на мою могилу некому будет приходить. Нету у меня ни семьи, ни детей. Кто измерит цену такого горя? Никто. Все это надо самому испытать, пройти через этот ад...» Он тихо проронил:

– Ты прав, Гаврила.

– Однако дух твоего отца превратился в нечистую силу, – опасливо оглядевшись по сторонам, сказал Гаврила.

«Это твоя душа, и без того нечистая, превратится в нечистую силу. Только людей станешь пугать», – подумал Отакчан, а вслух проронил:

– Ты что мелешь, Гаврила? Такого быть не может. С чего ты взял? Подумал бы, о чем говоришь, бестолковая голова.

– Тебе надо что-то сделать.

– Поеду на могилу предков и повинюсь перед памятью отца.

– Что толку с того? Родовой склеп давно зарос травой. Да и нет там могилы отца твоего, – Гаврила безнадежно махнул рукой.

– А ты почему не спал, как сова? – Отакчан резко переменял тему разговора. Ему стоило немалых усилий, чтобы не вспылить, но, помня о сне, посчитал за благо быть сдержанным.

– Не знаю, в последнее время почему-то не спится, – Гаврила вдруг почувствовал себя не в своей тарелке.

– Зато я знаю, почему ты бодрствуешь ночами, – оживляясь, сказал Отакчан.

Тот молча бросил настороженный взгляд в сторону Отакчана.

– Сказать почему? – в тусклых глазах Отакчана вдруг появился блеск.

Гаврила промолчал. Вынув из полупустой пачки «Беломора» папиросу, чиркнул спичкой и молча закурил.

– Думаешь, вертолет прилетит? Ты его ждешь.

Гаврила вскинул голову на старого сородича и быстро бросил:

– Будто ты не ждешь.

– При прежней власти ждал. Было такое. Тогда на вертолете к нам прилетали врачи, артисты, родня. Привозили регулярно и продовольствие, и почту. Тогда, не скрою, радовался каждому прилету вертолета. А вот сейчас не жду. Ничего кроме водки и спирта на нем теперь не возят. Вот и в твоей голове мысли только о водке. Разве не так?

– Тоже скажешь. Нашел алкоголика, – с обидой в голосе ответил Гаврила, поперхнувшись папиросным дымом. Долго кашлял.

– Алкоголик, не алкоголик – не в этом дело. Ты же от водки никогда не откажешься, ведь правда? – не унимался Отакчан.

– Не откажусь, конечно. И ты не откажешься, – еле проговорил Гаврила, тяжело дыша из-за приступа кашля.

– Вот так-то. Значит, признался в том, что ждешь вертолет. Только никакой вертолет ночью не прилетит.

– Почему же? Бывали случаи, когда и ночью прилетали, – отпаривал Гаврила слова сородича.

– Ну санитарные, бывало, прилетали и ночью. Ты ведь не санитарный же вертолет ждешь, Гаврила?

– Тебе-то какое дело в конце концов?! Ты, Отакчан, и в молодости был колючим, как шиповник. На старости лет эта твоя болезнь стала вовсе нестерпимой, старый бобыль! – вдруг зло взъерошился Гаврила и поспешил к выходу.

– Не обижайся, Гаврила. Летит твой вертолет, – довольный, засмеялся Отакчан, глядя вслед убегающему Гавриле.

«Вечно такой задира, аринка²⁰. Умничает только. Нету у него детей, а то грех за слишком вольные слова пал бы на них. А с него, старого бобыля, что возьмешь! Скоро и так протянет ноги», – Гаврила, спотыкаясь, заторопился к своей палатке, стоящей у опушки леса.

---

²⁰ **Аринка** – черт.

На Севере погода изменчива, то невыносимая жара, то проливные дожди. В последнее время погода совсем непредсказуемой стала. Раньше как-то проще было. Видно, всеобщий потоп приближается.

...Дождь крупно барабанил по выцветшей палатке. По ее бокам текли обильные струи воды. По углам уже потекло. Отакчан с озабоченным видом перекладывал свои нехитрые вещи с места на место. Но вскоре в палатке не осталось сухого места. Отакчан отряхивался от холодных капель, не зная, как спрятаться от них. Потянулся к мокрому дождевику с капюшоном и натянул его на себя. Хоть стой под льющим дождем, хоть сиди в палатке, все одно, кругом вода. Старик протер мокрое лицо и задумался: «Где взять новую палатку, ума не приложу. Который год ищу брезент, а его нигде нет. Сам бы пошил себе новую палатку. Еще говорят, он дорогой шибко. То-то Айчима смеялся, что моей годовой пенсии не хватит на новую палатку. Да еще за муку и чай надо платить. Жить-то как дальше буду?.. Могла бы сестра подсобить, да ей самой тяжело. О семье надо заботиться. Ей трудно и без меня. Одеть, обуть, накормить сыновей и мужа – все это на ее плечах. От зятя толку мало. Нигде не работает. А вот пьянствовать умеет лучше других. Нет, сестру загружать своими просьбами не буду. Как-нибудь решу сам свои проблемы. Да

и друзей настоящих, верных почти не осталось. Всех их сдули с лица земли новые порядки. Многие померли, потеряв надежду на сносную жизнь, веру в свою судьбу. А кто остался-то у меня?»

Отакчан вспомнил о своем друге Сэмэкэ. Они друзья с детства. Когда-то вместе росли, кочуя с родителями по таежным тропам и горным долинам. Беззаботно играли в «охотников». Дети любили эту игру. Воображали, будто они охотники. Делали вид, что едут верхом на оленях. Правда, олени не настоящие, а прутья с двумя развилинами-ветками. Это и есть верховой олень. Развилыны-ветки – это рога. Путья совали между ног, делая вид, что садятся на верховых оленей, и бегали изо всех сил. Часто пускались наперегонки. Смекалистый ум рисовал незримый образ медведя или чаще снежного уямкана²¹, и начиналась безудержная игра воображения будущих охотников.

Оба почти не учились: мир школы им оказался не по душе. Помнит мучительную тоску по родным. Даже не было слов, с помощью которых можно было бы передать силу той тоски.

Потом, уже повзрослев, пасли оленей. Сэмэкэ в отношениях с женщинами был живее, общительнее, чем Отакчан. Он часто ездил в Дөндэ, а вернувшись, рассказывал про фильмы, просмотренные им в старом клубе.

Так они жили, пока однажды, вернувшись после очеред-

---

²¹ **Уямкан** – снежный баран.

ной поездки в село, Сэмэкэ не сообщил другу о своей предстоящей женитьбе. Для Отакчана эта новость прозвучала как гром среди ясного неба.

Женившись, Сэмэкэ насовсем осел в селе. Жена, якутка, приехала из города, работала учительницей. И потому не могла принять кочевой образ жизни мужа. В течение долгой зимы ей нельзя было отлучаться из школы.

Была и другая причина, побудившая Сэмэкэ отойти от оленей. Это среда, в которой жила его будущая жена. Она выросла в городе, ей неведома была таежная жизнь. Увидела живого оленя только здесь. Сэмэкэ, когда он всерьез надумал жениться, поначалу казалось, что жизнь пойдет по старой колее, что Катя – какой разговор! – вместе с ним станет кочевать и пасти оленей. Но не тут-то было. Невеста поставила условие: Сэмэкэ должен жить с ней в селе. Что оставалось делать оленеводу? Он принял условие невесты. Устроился лесорубом. Через какое-то время кочегаром.

Отакчан в свои редкие наезды мимо дома друга не проходил, обязательно навещал его. Встречу отмечали, как все. Отакчана к выпивке не очень-то тянуло. Разве что при встрече с Сэмэкэ позволял себе расслабиться. Бутылка опорожнялась быстро. После выпитого Отакчан становился говорливее, начинал подтрунивать над другом. Он рассказывал о кочевой жизни стада, об охоте так захватывающе, что у Сэмэкэ сначала загорались глаза. Но по мере того, как распалялся Отакчан, живой блеск в глазах постепенно тускнел. Его охва-

тывала холодная волна. Каждый раз Отакчан свой рассказ заканчивал одной фразой: «Сэмэкэ, ты предал оленей, променял их на бабу». Сэмэкэ быстро пьянел. Катерина, жена Сэмэкэ, в сердцах ругала Отакчана. Старик, обидевшись, молча уходил. Но Катерина, добросердечная женщина, недолго сердилась. Накинув пальто, быстро выходила и вскоре заходила в дом безропотного Отакчана. Сэмэкэ не таил обиды на друга. Только после таких вечеров он ходил молчаливым, словно провинившийся в чем-то. У них с женой родилось четверо детей: два сына и две дочки. Отакчан радовался рождению каждого ребенка и в честь такого события дарил оленя.

Шли годы. Не заметили, как выросли дети Сэмэкэ. Но Отакчан по-прежнему посмеивался над Сэмэкэ. Ты, говорил, забыл родное слово предков! Сэмэкэ не соглашался.

– А на каком языке мы с тобой говорим, Ота? – недоуменно спрашивал он.

Отакчан пьяно улыбался и безнадежно махал рукой:

– Это не то. Ты живешь одним днем, Сэмэкэ.

– Почему ты так считаешь, Ота?

– Своих предков забыл. Их язык забыл.

– При чем тут язык предков? Я же говорю с тобой по-эвенски.

– Ты, Сэмэкэ, думаешь только о себе.

– Неужели ты так всерьез думаешь?

– Как раньше я не догадывался, что ты забыл даже себя, –

распалялся Отакчан.

– Может быть. Но я не умею говорить, как ты, полунамеками, – узкие глаза Сэмэкэ на миг вспыхивали и тут же меркли.

В ответ Отакчан смеялся. Ему нравилось наблюдать, как заводился Сэмэкэ. Потом настроение у Отакчана резко менялось. Лицо мрачнело, как ясное небо темнеет, когда оно затягивается свинцовыми облаками. Он входил в другой, назидательный образ и начинал свой длинный монолог:

– Ты на меня не обижайся, Сэмэкэ. У тебя ученая жена. Рядом с нею и ты умнеешь. Не то что я, безграмотный старик. Но я человек.

– А кто я? По-твоему, выходит, не человек? – в голосе Сэмэкэ улавливалась обида.

– Подожди, не перебивай меня, Сэмэкэ! – резко тормозил друга старик.

– Ладно-ладно, Ота, не сердись, слушаю тебя внимательно, – робея, отвечал Сэмэкэ.

– Для чего рождается человек? – спрашивал Отакчан и, подняв глаза на друга, делал паузу.

Сэмэкэ, будто обжегшись на горячей кастрюле, молча подпрыгивал на стуле, как бы не обжечься второй раз. Знал он повадки друга.

– Чтобы думать! – восклицал Отакчан. – Понял?

– Ну понял, а дальше что скажешь?

– Чем человек отличается от зверя? – распаляясь, продол-

жал Отакчан, потом сам же отвечал на свой вопрос: – Тем, что имеет рассудок. Коли я наделен разумом, в отличие от зверя, я думаю. И думаю вот о чем. Дума моя непростая. Ты не сердись, Сэмэкэ, на меня за мою прямоту. Сердце разрывается, когда думаю об этом.

– Ну скажи прямо, Ота! Чего ходишь вокруг да около? – не выдерживал Сэмэкэ.

Отакчан молча, не мигая, смотрел на Сэмэкэ, потом понижал голос до полусшепота и продолжал:

– Тревожно мне, Сэмэкэ.

– Отчего тебе тревожно?

– Эвены исчезают...

– Вот ты о чем... Я-то подумал было о другом.

– Хотя я неграмотный, сердцем чувствую, что с каждым годом нас все меньше и меньше. Ты чувствуешь это, Сэмэкэ?

Сэмэкэ чесал затылок, молчал. Отакчан вновь закипал.

– Молчишь?! То-то. А виноват в этом ты, – Отакчан тыкал пальцем ему в грудь.

– Неужели?! А почему я виноват? – Сэмэкэ удивленно и недоверчиво смотрел на крючковатые пальцы Отакчана. Не зря, видать, жена за глаза называла Отакчана «философом».

– Потому что ты перестал быть эвеном.

– Опять ты за свое. Не надоела тебе эта пластинка, Ота?

– Налей-ка чуть-чуть, догор²², – Отакчан пропускал мимо ушей слова друга.

---

²² **Догор** (по-як.) – друг.

Сэмэкэ вновь разливал по рюмкам. Чокались. Отакчан залпом опрокидывал содержимое рюмки в рот и тянулся к подносу, где дымилось вареное мясо.

– Почему твои дети не говорят по-эвенски? – Отакчан отрезал большой кусок оленины и старательно кромсал его ножом на мелкие куски.

Впервые услышав такой вопрос, Сэмэкэ от неожиданности поперхнулся.

– Они не умеют говорить по-эвенски, – еле выговорил он и вытер враз прослезившиеся глаза.

– А почему?

– Потому что не знают.

– И как только у тебя совести хватает?! – Отакчан немигающе в упор смотрел на друга.

– Спрашиваешь, будто прокурор какой. И взгляд у тебя как у прокурора.

– Ты не обижайся. Но этот вопрос не праздный и не простой, как ты думаешь, – голос старика становится немножко помягче.

– А что делать, если жена не знает эвенского языка?

– В этом ты виноват.

– Ты хочешь сказать, что не надо было жениться на якутке?

– Ты за меня всякую ерунду не додумывай, Сэмэкэ...

– Но по твоим словам именно так получается, – с обидой в голосе говорит Сэмэкэ.

– Давай-ка сначала разберемся насчет женитьбы твоей, чтоб ты зря меня не попрекал. Что я думаю по этой части? Человек должен брать в жены ту женщину, которую сердцем любит. Пусть она будет любой национальности, лишь бы понимала тебя и поддерживала во всем. Понимаешь?

– Ну и я женился по любви. Сильная, горячая была у меня любовь.

– Почему тогда жену не научил своему языку?

– Ей-богу, до этого не додумался.

– Потому что об эвенах, об их будущем никогда ты не думал. Твои думы дальше порога твоего дома не выходили.

– Я человек маленький... – Сэмэкэ весь подавлен натиском Отакчана.

– «Маленький, маленький», – Отакчан передразнил друга. Помолчав, добавил: – Жену твою я не упрекаю ни в чем. Она добрая, человечная.

Сэмэкэ сидел молча.

– Владеет она своим якутским языком и научила этому языку твоих детей. Она молодец. А ты, Сэмэкэ, оказался недальновидным человеком.

– Что с меня возьмешь? Сказал же, что я маленький человек.

– Не прикрывайся маленьким человеком. Я ведь сам такой же, как ты, не перерос тебя. В жизни ты устроился лучше, чем я... Ладно, оставим это. Будь другом, налей-ка еще.

Вновь выпили.

– Ты, Сэмэкэ, не подумал о судьбе своих детей. Какие же они эвены? – Отакчан вновь принялся за старое.

– Эвены...

– Нет, не эвены.

– Как не эвены?! Они же мои дети. Или я тоже не эвен?

– Ты-то эвен, а что толку от такого эвена?

– Спасибо хоть на том, что признаешь меня эвеном.

– Не совсем. Настоящий эвен тот, кто близок к оленям, кто знает свой язык. А твои дети пасут оленей? Не пасут. Они знают язык родного отца? Не знают. Тогда скажи, можно ли их считать эвенами?

– Но они мои дети... – Сэмэкэ робко взмолился, подымая перед лицом друга свои тощие руки.

– Ну и что? Твои внуки тоже не будут знать эвенского языка. Это же страшно, это – трагедия! Откуда в таком случае появятся новые эвены? Нет у нас будущего из-за таких, как ты.

– А ты посмотри на себя, Отакчан. Почему у тебя нет семьи, нет детей? – Сэмэкэ пускал в ход свой последний неотразимый довод. – Имел бы своих детей и научил бы их говорить по-эвенски.

Отакчан разом замолкал. Он молча допивал очередную рюмку и неуверенной походкой шел к выходу. Маленького роста, ссутулившийся, он вызывал жалость...

Так они спорили при каждой встрече, почти слово в слово повторяя то, что говорилось раньше. Но дело до ссоры не до-

ходило. Успокоившись, Отакчан сам с собой затевал беседу:

– Раз так вышло, что поделаешь? Разве виноват Сэмэкэ в том, что женился на якутке? Конечно, не виноват. Детей не научил своему языку. Тут, с одной стороны, спору нет, виноват, а с другой, ну жена – якутка, не понимает твоего языка, как тут быть-то бедному Сэмэкэ? Вот в этом-то и вся беда. Но у Сэмэкэ дети. У него продлится род. Это главное. У детей все впереди. Пусть женятся, на ком хотят, лучше, конечно, на своих девках. А если их нет, что бог даст. Только чтоб дети, внуки себя эвенами признавали. Чтобы, когда вырастут, обязательно захотелось понять язык своих предков, узнать, кто они были, как жили, как говорили... Жизнь сложна и непонятна. Я по сути жизнь свою прожил, а как жил, для чего жил, сказать не могу. Моя маленькая голова этого не понимает.

Вспомнив до каждого слова вечные споры со своим другом, Отакчан улыбнулся. «Сэмэкэ – добрый эвен. Надежный друг. Ближе, чем он, у меня никого нет»...

* * *

Надо же такому случиться, бригада лишилась «слухового аппарата». Сколько кочевий осталось позади, ни разу такого не случалось. Забарахлила портативная радиостанция «Гроза». Это была последняя память о прежней жизни при Советах. Старая-престарая, латаная-перелатаная, но держа-

лась до последнего, надежно служа оленеводам. Ее Отакчан называл «корат», что означало ухо или слуховой аппарат. Вообще-то старик правильно определил назначение «Грозы». С ее помощью оленеводы слушали вести, знали, как живут люди в Дөндэ, в соседних стадах. Едва, бывало, доберутся до места новой стоянки, как Отакчан торопит: «Виктор, илэ корат? Долчили хинмач!»²³ Хозяином «Грозы» считался Виктор. Так распорядился бригадир Айчима. Настроить «Грозу» для работы – дело нехитрое. Главное, удачно вскинуть антенну. У них позывные – «Ота». Это из-за любопытства Отакчана его имя выбрали для позывных. Небольшие поломки случались и раньше, но Виктор сам устранял их. Недавно он служил в армии, в роте связи, и та армейская практика часто выручала в кочевой жизни. Водил Виктор дружбу и с метеонаблюдателями, которые жили по-соседству. Метеопост располагался на их пастбищных угодьях. Там работали профессиональные радисты. Отзывчивые ребята, трое русских парней. Один – его тезка Витька, второго звали Ваней, а третьего Володей. «Великолепная тройка на букву «В», – острил Виктор при каждой встрече с ними.

Когда замолкла «Гроза», Отакчан взгрустнул. Видя, как мучается Виктор, сам переживал. Не отходил от Виктора. Наконец, поняв, что Виктору не под силу оживить радиостанцию, не выдержал:

– Поезжай, Виктор, к русскому Ивану. Я вместо тебя по-

---

²³ **Илэ корат? Долчили хинмач!** – Где ухо? Слушай быстрее!

пасу оленей. Русский Иван мигом наладит.

Это он про русских из метеостанции. В течение лета оленеводы много кочевали. Теперь они пасут оленей по верховьям горных рек. Метеостанция осталась далеко позади. Виктор съездил туда, но оказалось, что Ваня, русский Иван по Отакчану, попутным вертолетом улетел на родину, у него свадьба. Володя отбыл из-за болезни матери. Аж в Москву. Родом он, оказывается, оттуда. Теперь Витя один отдувался за троих. Поэтому свободного времени у него почти не было. Несмотря на это, «Грозу» оставил у себя, обещал посмотреть. Но до глубины души огорчил сообщением о предстоящем закрытии метеостанции. Наверху приняли такое решение, мотивируя тем, что метеостанция никому не нужна, от нее одни убытки.

Раньше Айчима всю нехитрую документацию передавал по «Грозе». Это было быстро и надежно. И бухгалтерия оставалась довольной. Теперь Айчима должен был торопиться с отчетом. За вечерним чаем он озабоченно говорит:

– Надо бы съездить в поселок. Отчет отвезти надо. Да вот беда, самое время для срезки рогов у самцов.

Все вопросы он решал обычно за едой, когда оленеводы собирались вместе.

До поселка далеко, километров двести с хвостиком. Оленевод, прежде чем решиться на такую поездку, трижды подумает. Ясное дело, ему хочется наведаться в Дөндэ, малость поразвешаться. Но далековато верхом на олене добираться.

Жаль верховых оленей.

Вечером в палатку Отакчана заходит Айчима.

– Рад тебя видеть, Айчима, – старик быстрым движением руки поставил на печку старенький чайник.

– Виделись же с утра у дэлмичэ²⁴, – обронил Айчима.

В стаде сложилось неписаное правило: встречать оленей с ночной пастьбы, походить между ними, всматриваясь в каждого оленя, заодно ловя нужных в этот день ездовых оленей и дойных важенок. Сегодня утром они там и виделись.

– То было утром, когда общались с оленями. А тут я радуюсь тому, что ты пришел в мой дом. Уважил человека.

Айчима ничего не ответил, молча окинул взглядом во-круг.

– Палатка у тебя в самом деле обносилась, – сказал задумчиво и сел.

– Хотя эта имеется, а могло и не быть. При советской власти палатками хорошо обеспечивали, – Отакчан, торопясь, будто сейчас Айчима поднимется и уйдет, положил перед ним стол и стал в кружки разливать чай. – Вот молоко. Попробуй мою лепешку.

Айчима разбавил чай молоком. Знал, что у старика несколько дойных важенок, что он их исправно доит.

Молча стали пить чай. Отакчан нутром догадывался, что бригадир не просто так зашел к нему, и молча ждал, пока он заговорит сам.

---

²⁴ Дэлмичэ – стадо.

– Дед, я пришел к тебе с просьбой, – тихо заговорил Айчима, опорожнив кружку с чаем.

Отакчан слегка засмеялся, поглядывая на бригадира, и сказал:

– Спасибо, догор, что пришел. Говори, я слушаю.

– Надо бы съездить в поселок с отчетом. Скоро, чую, опять дожди пойдут. Сам знаешь, каждый день нам дорог, покуда нет дождя. Завтра-послезавтра начнем срезку рогов у быков.

– Это я понимаю. Ты толково рассуждаешь. А что касается отчета, то я поеду, чего уж там.

– Знал, что не откажешься, дед, потому и пришел с просьбой.

– Завтра же поеду.

– Вот и хорошо. Жена моя провизию на дорогу приготовит.

– Да ладно. Я всю жизнь сам себя обслуживаю.

Айчима ушел. Вскоре пришел Виктор и притащил брезентовый навес.

– Дед, это Айчима отправил тебе, чтобы поверх палатки натянул. Все же поможет от дождя.

– Айчима, говоришь, отправил? – дед недоверчиво пошарил рукой по брезенту. Это был старый, но еще добротный навес.

– Говорит, что дает насовсем, – Виктор улыбается.

– Ну, спасибо ему скажи. Не откажусь...

...Небольшая избушка Сэмэкэ стояла на краю села. Старая, покосившаяся. Отакчан охотно и смело входил в этот дом, зная, что его там встретят по-человечески тепло.

– Илэ, яв укчэнэс?²⁵ – на ходу снимая головной убор, подал голос Отакчан.

– Здравствуй, Ота, – заулыбался Сэмэкэ.

Он явно радовался гостю. Посветлев лицом, крепко пожал протянутую руку Отакчана.

– Ну, как живешь, Сэмэкэ?

– Мы-то ничего. Что с нами станет? Мы ведь живем в тепле да уюте. А вот ты-то как? – Сэмэкэ изучающе вглядывался в неухоженное изможденное лицо старого друга: «Выглядит неважно. Не болеет ли?»

– Как видишь, хожу, дышу.

– Это вижу, – уклончиво ответил Сэмэкэ.

– А где дети? – Отакчан оглянулся вокруг, будто желая увидеть невесту почему затаившихся малышей.

– Они уже стареют, – Сэмэкэ словно угадал мысли друга.

– Будто ты молодеешь, – Отакчан засмеялся. – Годы не скинешь и с детей. Они, как сонгачаны, сегодня резвятся без заботы, а завтра уже сами о себе должны заботиться.

---

²⁵ Илэ, яв укчэнэс? – Ну что, какие новости?

– Садись, Ота, вот сюда, – Сэмэкэ пододвинул табуретку. Отакчан неуверенно сел.

– Дочери давно выпорхнули из родительского дома, свои гнезда выют, – рассказывает Сэмэкэ, затапливая печь.

– Радоваться только надо этому, – Отакчан слышал о замужестве дочерей Сэмэкэ.

Обе вышли замуж за русских и живут теперь, как рассказывали, где-то на юге. Далеко, говорят, живут.

– Так-то так, конечно, – соглашается Сэмэкэ. – Лучше было бы, если бы жили рядом.

– Ясное дело. Тоскуете по ним?

– Еще спрашиваешь... Тоскуем сильно, дети же.

– Не приезжали в гости?

– Нет, не приезжали.

– Тогда сами бы поехали в гости к ним.

– А на что? Где взять деньги на дорогу? Теперь все сильно подорожало.

– Прости меня, старого, забыл об этом. Теперь в самом деле никуда не поедешь. Не по карману. В тайге с деньгами не имеем дела, потому цены на товары, на дорогу мы не знаем.

– Вот вскипит чайник, чайку попьем, – Сэмэкэ открыл дверцу печки и палкой пошуровал разгорающиеся поленья.

– Да, теперь простому человеку жить стало гораздо труднее. Как будем дальше жить, не знаю, – Отакчан шумно вздохнул.

– Да и самолетов-то теперь нету, – Сэмэкэ, видно, думал

о детях, которые никак не могут приехать к ним.

– Как так нету? Летали же самолеты, – Отакчан делает вид, будто удивляется.

– Это раньше летали, да и недорого было тогда. Теперь перестали летать... Правда, рассказывают, в месяц два раза прилетает самолет...

– А почему, как раньше, не летают самолеты? Как ты думаешь?

– Откуда мне знать, Ота? Я человек маленький. А по-твоему, почему не летают?

– Власть перестала думать и заботиться о человеке. Вот и не летают самолеты. Некому думать о простом человеке. У них, у начальников, забота только о том, как разбогатеть.

– Потихонечку бы говорил, Ота, а то кто-нибудь услышит, – Сэмэкэ испуганно оглянулся по сторонам.

– Боишься доноса, что ли? – усмехнулся Отакчан. – Пускай доносят. Не бойся говорить правду.

– Я не летаю по своей воле. Боюсь, что не выдержу долгие перелеты, сам знаешь, – Сэмэкэ счел нужным повернуть разговор в другое русло.

– А где Катерина?

– К дочерям уехала.

– Кто же говорил давеча о нехватке денег на авиабилет? – оживляясь, спросил Отакчан.

– Катерина выскребла последние сбережения, даже кое у кого в долг взяла и укатила на юг. Не выдержала, тоскует по

дочерям.

– Ну и правильно поступила, – Отакчан медленно вынул трубку, долго ее набивал и с наслаждением закурил.

Раньше жена Сэмэкэ курить ему не позволяла. Она и мужа отучила от курева. Отакчан, вспомнив об этом, про себя улыбнулся: «Как можно жить без трубки, без такого желанного табачного дыма? Хорошо, что у меня нет бабы... Лучше я курить буду». Он и с женой друга иногда ругался из-за этого.

– Кури, сколько хочешь, – Сэмэкэ будто уловил потаенные мысли друга.

Отакчан благодарно кивнул головой.

– Была бы Катерина, ругалась бы, – тихо засмеялся Сэмэкэ.

– Да, тут ты прав. Опять бы ссора вышла. Будь я женатым, не поддался бы воле жены, как ты, бедняга слабовольный. Прости, конечно, за прямоту.

– Ничего, не обижаюсь. Знаю, что ты без злого умысла говоришь.

– А где сыновья? – Отакчан будто не слышит только что сказанные слова друга.

– Куда они денутся... С нами...

– Не поехали на учебу?

– Не хотят. Говорят, что проживут и так.

– Неужели твой пример для них так привлекателен? Ты неграмотный, и они отворачиваются от учебы, как некогда

ты поступил.

– Прокопий, старший-то, на тебя ссылается.

– Что ты говоришь? Шутишь однако, – Отакчан, довольный, встрепенулся.

– Нет, не шучу.

– А что, интересно, он говорит обо мне? – Отакчан, как ребенок, ждущий что-то невероятно интересное, вытянул тонкую шею и всем корпусом повернулся к Сэмэкэ.

– Говорит, мол, дед Отакчан нигде не учился, институтов не кончал, а рассуждает, как философ.

– Ха-ха!.. – негромко засмеялся старик, глаза его заискрились, спрятались в щелочки.

Он был явно польщен услышанным.

– Может, и могли бы учиться где-нибудь, но не хотят, – между тем продолжил Сэмэкэ.

– А работают где?

– Прокопий раньше без работы не сидел, сам знаешь. А нынче толком нигде не работает.

– А младший-то, небось, трудится? Смышленный был мальчишка.

– Тоже не работает.

– Как же так? Как можно жить, не работая? А на что тогда живете?

– Вот так и живем. На моей пенсии, да на шее у матери.

– Сыновья могли бы подсобить, поддержать на старости лет.

– Могли бы, да работы нет. Нигде их на работу не берут, да и предприятия все позакрывались.

– Вот беда... Что творится с людьми?

– Случайными заработками живут.

– И как зарабатывают?

– Да какие там заработки?... Так, по мелочи. Кому-то дров заготовят, завезут и наколют, еще что-то в этом роде.

– В стадо не хотят поехать?

– В пастухи идти не хотят... Я им говорю, а они и слушать не хотят.

– Оленей некому становится пасти, – тяжело вздохнул Отакчан.

– Теперь, говорят, никому нет дела до оленевода. Зарплата мизерная, одежды нет. Сыновья наслышаны об этом, вот и не хотят.

– Помрем мы, старики. Кто сменит нас? – будто сам с собой беседуя, тихо промолвил Отакчан.

– Олени уже сейчас становятся бесхозными. Теряются, волки травят, – Сэмэкэ стал наливать чай.

– А на что годятся твои сыновья? Не надо было тебе отрываться от оленей! – вдруг резко вскинул голову Отакчан.

– Тебе-то какая забота? Будто ты бригадир, стадо держишь. Скажи спасибо Айчиме за то, что терпит тебя у себя в стаде.

– Мне тревожно за сородичей. Останемся без оленя, исчезнем и мы, эвены. Вот почему я кочую с оленями. Хоть

чем-то помогу сохранить их, оленей наших. Постарел, признаюсь, сил маленько осталось, но, как видишь, держусь. А вот ты отвернулся от оленей. Из-за таких, как ты, страдают олени. Хоть бы сыновей приучил к таежной жизни.

– Опять ты за свое. Виноват я, каюсь, что не вывел сыновей на оленью тропу, – Сэмэкэ виновато ссутулился и развел руками.

– О чем с тобой говорить? Лучше я пойду. Обо мне не беспокойся. Только запомни одно: Айчима меня не содержит. Я живу сам по себе, никому обузой не стал, кочую по тем тропам, по которым веками кочевали мои предки. На своих оленях езжу. У Айчимы ничего не прошу. Ты Айчимой меня не попрекай.

– Куда ты торопишься, Ота?

– Пойду отдохну.

– Отдохни у меня. Можешь даже остаться на ночь. Место для тебя всегда найдется.

– Где мне найдешь место-то? Смотрю, тесно у тебя, – Отакчан оглянулся вокруг, потом пошел к двери.

– Хоть бы чаю попил. Уходить просто так не по нашему обычаю. Ратуешь за соблюдение обычаев эвенов, а сам готов нарушить их.

– Ты мне портишь настроение, Сэмэкэ.

– Обидчивый ты, Ота.

– Прости, уж такой я уродился.

– Раньше не такой был. Садись, Ота, к столу. Сейчас от-

крою свою заначку, специально для тебя сберег, – мягко сказал Сэмэкэ и пошел к кровати.

Опустился на колени, пошарил по углам и достал непочатую бутылку водки. Отакчан, заметив это, мигом подобрел. Для виду только попереминался с ноги на ногу, потом вернулся к столу и сел с краю.

– Как помню тебя, все в этой конуре живешь, – словно оправдываясь за свою резкость, начал он. – Мог бы избу хорошую построить.

– Спасибо хоть эта есть. А новый дом построить не смог, видит бог. Денег нет. Где найдешь строительный материал? Никто помочь не хочет.

– Сыновья взрослые у тебя. Могли бы сами без посторонней помощи построить дом.

– Из чего? Где взять бревна? Нету их, из воздуха дом не построишь. Писали заявления, а что толку? А где твой дом, Ота? – Сэмэкэ разлил водку в стаканы.

Отакчан тихо говорит:

– Не издевайся надо мной. Лучше выпьем давай.

– За встречу, Ота. Давно не виделись. Спасибо, что зашел.

– Нет, выпьем за твоих дочерей. За то, чтобы выжили в этой смутной жизни и не забывали о своих корнях.

– Спасибо, Ота, на добром слове, – голос у Сэмэкэ дрогнул.

– Ты вот спрашиваешь про мой дом. Разве не знаешь, кому я уступил свой дом?

– Ладно-ладно, Ота. Не обижайся, – Сэмэкэ вновь налил в чашки крепкого чаю.

Дверь резко открылась. Вошел высокий смуглый парень.

– О, абага приехал! Здравствуй, абага! – парень бросился к Отакчану. От него несло перегаром.

– Вижу, вижу, возмужал. Настоящим мужчиной стал, – Отакчан приветливо пожал ему руку.

– Где пропадал, Прокопий? – нарочито строго спросил Сэмэкэ, наливая сыну чай.

– Своими делами занимался, отец.

– Был бы толк от этих твоих дел, – безобидно, скорее для вида только, пробурчал отец. – Садись за стол. Поешь.

Прокопий послушался отца. Сел за стол рядом с гостем и с аппетитом стал есть.

– Где работаешь, Порпукай? – Отакчан про себя улыбнулся, вспомнив про философа. Правда, он не представлял себе, что означает это мудреное слово. Он имя Прокопия произносил произвольно «Порпукай».

– Деньги делаю, – не моргнув глазом, выпалил Прокопий.

– Как можно делать деньги? Не могу понять этого, – изумляется Отакчан.

– Сейчас всем, кто может и не может, разрешено делать деньги. Никаких теперь запретов и гонений, как прежде.

– Можно делать нарты или седло, ну чэркэны²⁶, а как делать деньги, я не знаю, – Отакчан покачал седой головой.

---

²⁶ **Чэркэн** – самодельный капкан, изготовленный из прутьев тальника.

– Сейчас время такое, абага.

– Тебе нравится это время?

– А как же? Оно по мне.

– Ну чем оно тебе нравится? – допытывается дед.

– Наше время дает всем полную свободу.

– Живи как хочешь, да?

– Вот именно. Хочешь – работай, не хочешь – хоть валяйся целый день. Даже учиться никто не заставляет. На работу тоже никто не гонит. Все прекрасно, – Прокопий, кажется, верил в то, о чем говорил.

Отакчан ничего не ответил. Молча глотнул чай из чашки. Голову подпер левой рукой и задумчиво прикрыл глаза.

– Сэмэкэ, что-то не видно, чтобы ты разбогател, – Отакчан поднял голову, приподнялся и выразительно окинул взглядом тесный дом.

– Ты не верь словам этого шалопая, – Сэмэкэ безнадежно махнул рукой, не глядя на сына.

– Нет, отец, я правду говорю, – сын вскинул удивленные глаза на отца.

– Не морочь голову всякой ерундой, – устало ответил отец.

Отакчан понял, что такие споры у них бесконечны.

– Отец, вот увидишь, мы скоро разбогатеем. Сказал же большой начальник: «Обогащайтесь!»

– Да ты не слушай того начальника, как ты говоришь, большого. Сам-то он, конечно, разбогател, на то и началь-

ник. Но запомни, не работая нигде, можно разбогатеть только нечестным путем, – Отакчан дал понять, что не верит ни Прокопию, ни тому начальнику.

– У меня будет много денег. Тогда построим себе дом, – Прокопий пропустил мимо ушей слова старика.

– А мне построишь дом, Порпукай? До старости лет пасу оленей, да что-то даже избы своей не имею...

– Это твои Советы тебя, дед, довели до нищеты, – Прокопий вызывающе приосанился.

Отакчан тихо засмеялся и сказал:

– А при Советах все трудились. Не было ни одного человека, шатающегося без дела, как ты сегодня.

– Тогда людей сильно гоняли. Многих судили, тунеядцами обзывали, – огрызнулся Прокопий.

– Правильно поступали. В наше время молодежь трудом воспитывали. Ну-ка протри глаза и посмотри, что творится вокруг, – постепенно голос деда Отакчана окреп.

– Веселая жизнь у нас пошла. Разве это плохо?

– Одни песни да танцы... Праздной жизнью пускают пыль в глаза. Таким дешевым путем создают видимость благополучия. Неужели не замечаешь этого, Порпукай?

– При прежней жизни, когда коммунисты да Советы держали власть, принудительным трудом вышибали всякое инакомыслие. Тяжело было всем, – парень продолжал гнуть свое.

– Мою страну ты не трогай. Я был счастливым при Сове-

тах. Свободным человеком чувствовал себя. А у тебя однако голова совсем пустая.

– Кто знает, может и так. Вот мой отец тоже до сих пор верен Советам, – Прокопий бросил насмешливый взгляд на Сэмэкэ.

– Порпукай, скажи мне, у тебя какое образование? – дед Отакчан неожиданно сменил нить дискуссии.

– Школу окончил. Аттестат при мне. Правда, прошло много времени с тех пор. Слыхал, дед, такую песню: «...Это было недавно, это было давно»? – вдруг мягким голосом напел Прокопий. Потом продолжил: – Вот так же, как в песне поется, это было давно. Я толком не помню даже, в каком году получил аттестат-то.

– Почему не поехал учиться, как все?

– Была поначалу такая мыслишка у меня. Но не на чем было уехать. Самолета не было все лето. Так и осел.

– Грустная у тебя история, как смотрю. Ни работы, ни образования, как думаешь дальше-то жить? – у деда голос явно смягчился.

Ему в самом деле жалко стало Прокопия. Вспомнил, как радовался друг Сэмэкэ, когда родился его первенец. Жизнь не сложилась у бедного. Куда катится жизнь-то?..

– Поверь мне, абага, построю дом и тебе, – голос у Прокопия уверенный. То ли не понял последних слов деда, то ли нарочно пропустил их мимо ушей.

Отакчан тихо засмеялся:

– Ну обрадовал. Наступит срок, значит, умру в избе. И на том свете тебя буду благословлять. Скажи только честно, Порпукай, как ты деньги делаешь?

– Панты собираю. Теперь это очень выгодный товар.

– Я слышал об этом...

– Мы объезжаем стада и собираем у оленеводов панты, – воодушевился Прокопий, чуя, как дед заинтересовался его бизнесом.

– А панты эти куда деваете потом?

– В город переправляем. Друзья прилетают на вертолете и забирают панты.

– За это друзья ваши дают деньги?

– Должны платить, договор заключили. Панты продадут иностранцам, а затем рассчитаются и с нами.

– Ты уверен в этом?

– А как же! Конечно, уверен.

– А друг-то дурной однако, не одурачит? – вдруг охрипшим голосом спросил старик.

– Я верю ему, не обманет. Добрый парень.

Отакчану вдруг стало тягостно слушать бред парня. Он нагнулся и уставился в пол, не желая больше слушать ни о чем.

– Что с тобой, Ота? – Сэмэкэ встревоженно поднялся со стула и неодобрительно покосился на сына: – Из-за тебя, дурак, человеку плохо стало.

– А что я такого сказал? Разве я оскорбил тебя, абага?

– Ты не виноват, Порпукай. Только я сомневаюсь: с теми ли людьми ты задумал, как ты говоришь, деньги делать? Оставишь однако нас без оленей с помощью таких друзей.

– Поверь мне, абага, все будет хорошо. Вот увидишь.

– Оставь этого балбеса в покое, Ота. Он не мальчик, пусть дружит с тем нючи-русским.

Не обращая внимания на слова Сэмэкэ, Отакчан спросил:

– А своим-то сородичам, Порпукай, за их панты чем заплатишь?

– Рассчитаюсь с ними, когда прилетят мои друзья. Список составляю. Они обещали много водки привезти. Оленеводы обрадуются. И ты, абага, давай мне панты, так я и тебе водки дам...

Оленеводы сидели в палатке и пили чай, когда старик Гаврила вдруг встрепенулся, перестал жевать. Разинув рот, повернулся вполоборота к задней стенке палатки. Узкие глаза его перестали мигать, а оттопыренные уши словно прижались к голове. Видя это, Байбал и Виктор разом умолкли и тоже прислушались.

– Слышите? – Гаврила, не меняя позы, поднял над головой правую руку.

Где-то далеко-далеко слышался глухой рокочущий звук.

– Вертолет! – разом воскликнули парни.

– Говорил же я, что прилетит! А вы не верили! – торжествующе сказал Гаврила и оскалился в беззвучном смехе.

Молодые оленеводы молча переглянулись. Байбал озорно блеснул глазами и выпалил:

– Ты, отец, даже ночами ждал его.

– Не болтай, Байбал, – замешкался старик и покосился на сына. – Какой вертолет ночью прилетит? В темноте-то...

– Да ты всю ночь бормотал о вертолете! – заступился за Байбала Виктор.

– Тэт!²⁷ Нормальный мужик ночью только женщину ждет, – не моргнув глазом, парировал старик и пристально

---

²⁷ **Тэт!** – возглас, запрещающий говорить что-либо несурзное.

посмотрел на молодых людей.

Парни приснули, будто на горячую печку выплеснулась холодная вода. Старик с серьезным видом встал и переступил через разостланную на земле потертую скатерть, на которой лежали ломтики лепешки, куски вареного мяса и дымилась паром кружка с чаем, и вышел из палатки. Виктор с Байбалом последовали за ним.

В это время из-за ближней сопки вынырнул оранжевый вертолет и зарокотал во всю мощь, будто обрадовался, что наконец-то вырвался из тисков горных кряжей.

Отакчан тоже выглянул из своей палатки и молча плюнул на землю. Он не любил вертолетные вояжи пришлых людей. После них люди теряли рассудок, тупели умом. «Снова прилетел ненасытный хищник, – тревожно подумал старик, наблюдая за вертолетом. – Он точно смахивает на орла, приметившего на поляне свою жертву – беспомощного олененка. Еще мгновение, и он безжалостно закогтит его и снова улетит в поднебесье, к заоблачным вершинам, где его гнездо, чтобы насытиться плотью только-только начавшейся жизни. Этот снова прилетел за пантами. Что за напасть навалилась на нас, а?!»

Вертолет не стал долго кружиться и круто пошел на снижение. Мигая красным бортовым огнем, свистя и рокоча, он завис над ровной галечной площадкой на берегу речки. Прибрежные тальники пригнулись, будто напуганные внезапным шквалом ветра. Вода на речке вскипела морщинистыми кру-

гами.

Вертолет, вздрагивая, осторожно коснулся колесами каменистой поверхности земли. Из него выпрыгнул на камни бортмеханик, проверил надежность посадки и поднял оттопыренный большой палец – дескать, все нормально, можно выключить двигатели. Лопасты замедлили движение.

Оленеводы пристально всматривались в вертолет.

– По-моему, это не наш, – неуверенно сказал Виктор.

– И людей мало, – отозвался Байбал, не отрывая острого взгляда с вертолета.

– Что вы талдычите? «Наш, не наш...» Раз прилетел, значит наш! – темное лицо старика Гаврилы нервно скривилось.

Парни замолчали.

Бригадир Айчима стоял возле своей палатки. Из-под ладоней поглядывал на вертолет. Жена с боку тоже с любопытством смотрела на железную машину, похожую на большую птицу.

Отакчан уселся возле сээруков²⁸ издали наблюдать за происходящим. Вынул трубку и закурил. Увидев, как торопливо семенит Гаврила к вертолету, усмехнулся: «Суется, будто охотничья собака напала на след уямкана... Сейчас он свое возьмет». Сравнивая Гаврилу с охотничьей собакой, он был далек от иронии. Это неумные люди, ругаясь, обзывают друг друга собакой. Будто собака последняя тварь. Может, для таких людей так оно и есть. Собаки ведь тоже как люди. Есть

---

²⁸ Сээрук – व्युक.

среди них и хорошие, и плохие, и добрые, и злые. Но большинство собак, Отакчан в этом уверен, добрые. Без них человеку было бы очень трудно.

Вертолет наконец успокоился. Лопасті устало опустились вниз. В проеме дверцы показался рыжебородый человек высокого роста с красным, как после парилки, лицом. На голове спортивная кепочка синего цвета, из-под нее курчавились русые волосы. Он спрыгнул на землю, потянулся длинным телом и подбоченясь замер, сумрачно глядя из-под нависших бровей на подбегающего Гаврилу. Из двери выглянул молодой парень с длинными волосами.

Запыхавшийся Гаврила спотыкаясь добежал до вертолета и протянул руку рыжебородому. Тот сделал вид, что не заметил протянутой руки.

– Откуда прилетел? – спросил Гаврила, глядя снизу вверх.

Он ростом своим едва достигал груди рыжебородого.

– Панты есть? – рыжебородый скосил глаза вниз, затем, не ожидая ответа, отвел руку назад. – Давай, Славка, пару штук.

Длинноволосый парень с готовностью протянул две бутылки водки.

– Продай, а? – Гаврила сглотнул обильную слюну.

Он довольно сносно говорил по-русски. В молодые и зрелые годы, около двадцати лет, состоял каюром в геологоразведочных партиях, потому общение с русскими не прошло даром.

Рыжебородый, усмехнувшись, высоко поднял над головой

обе бутылки, прозрачная жидкость заискрилась при свете солнца. Старик торопливо покопался в кармане старого пиджака и вытащил деньги. Он покосился в обе стороны, словно боясь, что кто-то раньше него выкупит водку.

– Зачем они мне, старик? У меня этих бумажек, знаешь, сколько? – рыжебородый с брезгливой гримасой взглянул на помятые купюры в крючковатых пальцах старика. – Давай панты, тогда водка твоя, старик.

– Панты?! – хрипло переспросил Гаврила, и во рту у него пересохло. – Их нет у меня. Знал бы, что прилетите, припас бы, сберег...

– Тогда все, разговор окончен. Поди вон... Положи, Славка, обратно, – он вернул обе бутылки длинноволосому.

Остальные олениводы стояли поодаль и следили за тем, как торгуется Гаврила. У него был явно растерянный вид.

– У меня мало пантов... – старик судорожно протянул обе руки, будто пытаясь вернуть уплывающие бутылки.

– А ты хитер, старик, как я смотрю. Все-таки есть панты? – голубые глаза небесного гостя оживились.

– Всего-то несколько штук у меня.

– Свежие?

– Совсем свежие.

– Отдай ему, Игорек, бутылку, – сказал напарнику длинноволосый Славка, – увидишь, сейчас все сюда кинутся.

– Ладно, старик, бери пузырь и тащи сюда панты. А денежки спрячь.

Гаврила обеими руками схватил бутылку и побежал к своей палатке.

Отакчан, продолжая наблюдать за Гаврилой и пришельцами, нахмурился: «За пантами прилетели. Люди голову потеряли из-за них. В последнее время то-то зачастили вертолеты. Вон мои сородичи как заволновались. Сегодня им не до оленей. Однако я поеду подальше от этого бардака. Покараулю оленей. Все равно не дадут мне спокойно поспать. Не пойму никак, что происходит на свете. Жалко вот этих, Гаврилу, детей. Никому нет дела до них. Раньше при прежней власти заботились, а теперь вот обдирают водкой. Все напьются до одури. Что за такая привычка, а? Я сам тоже, бывает, пропускаю эту жгучую воду, но не опускаюсь, как мои сородичи. Знаю свой предел, потому, если пью, то редко. Так-то лучше. Нет, поеду к оленям. Мало ли что, вдруг волки...» Старик, слегка прихрамывая, подошел к учагу, такому же старому, как он сам, слегка потрепал его по холке и положил седло, обветшалое, залатанное, подтянул поперек ремень. Старый олень, словно понимая беспокойство хозяина, потерся мордой об руки старика. Отакчан взял палку и пошел прочь, ведя учага. Никто на него не обратил внимания. Из-за темных, сумрачных островерхих скал поднимались кудлатые багровые облака...

– Есть желающие промочить горло? – рыжебородый поднял над головой целый ящик водки.

Оленеводы молча переглядывались, но никто не решался

шагнуть первым.

– Ну, у нас время – золото, – рыжебородый был в недоумении от пассивности людей.

Командир вертолета выглянул через боковое стекло и коротко бросил:

– Кончай, Игорь. Похоже, тут пожить нечем.

– Подожди, дорогой, малость потерпи. Вон и старик спешит.

К вертолету, запыхавшись, подбежал Гаврила. В руках он держал свежеспиленные панты. Они кровоточили.

– Во дает! Он же срубил рога у моих оленей! – воскликнул Виктор, вытаращив глаза.

Возле палатки Гаврилы три верховых оленя, на которых Виктор собирался поехать в горы на охоту, мотали комолами головами. Всего несколько минут назад эти ездовые олени еще были с рогами, а теперь же, обезроженные, они выглядели жалкими, малорослыми. Гаврила отнял у верховых рога, для него это привычное дело. Он без слов сунул рыжебородому еще теплые панты. Тот заулыбался.

– О, это я понимаю. Молодец, старик! – любуясь пантами, воскликнул он.

Айчима повернулся и молча зашагал к абду за задней стенкой палатки. За ним поспешила жена.

– Ты что задумал, Айчима? – на ходу тихо спросила она.

– Не суетись, Танмак. Я тоже поторгуюсь с ними. У меня кое-что имеется, – почти шепотом откликнулся Айчима,

подходя к своей палатке.

Они оба суетливо покопались во выюках. Айчима закинул за спину мешок и поспешил к вертолету.

– Вот панты. Даю за водку, – Айчима опустил к ногам рыжебородого полмешка высушенных пантов.

Он собирал их всю весну по заказу генерального директора национальной оленеводческой компании «Таба».

– Хорошо. Две бутылки. Согласен? – рыжебородый оттопырил два пальца.

– Мало. Я даю много пантов! – Айчима посерьезнел лицом.

– Черт с тобой, бери три. Больше не могу, у меня клиентов по всей тундре вон сколько, – рыжебородый рукой провел по горлу.

Айчима озабоченно помолчал, наморщил лоб, потом бросил:

– Все-таки ты хапуга. Ну ладно, подавись. Согласен. Давай бутылки.

– Добавь что-нибудь, тогда дам еще одну посудину, – предложил рыжебородый.

Айчима выразительно посмотрел на жену. Та молча вытащила из-за пазухи десяток выделанных камусов и подала мужу.

– Пожалуй, и это сойдет. Подай ему, Славка, бутылку, – рыжебородый с довольным видом встряхнул белые камусы. Жена Айчимы со вздохом отвернулась.

Байбал локтем толкнул Виктора в бок, кивнул головой и побежал к своей палатке. Виктор догадался, что хочет предпринять Байбал и без слов пустился за ним. Вблизи палатки за тальниками кружились несколько важенок с оленятами, поодаль от них за неглубоким оврагом пасся крупный бык-самец с роскошными рогами. Байбал быстро наматывал маут²⁹

---

²⁹ **Маут** – аркан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.